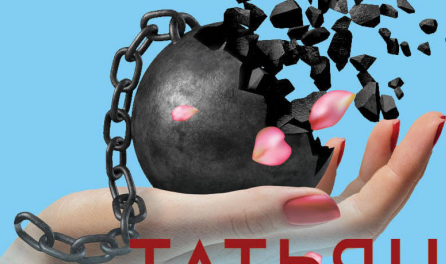

КАПКАН
НА СПОНСОРА

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Капкан на спонсора
Серия «Анфиса и Женька», книга 1

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121556

Полякова Т. Капкан на спонсора: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-16597-1

Аннотация

Явиться на деловое свидание в офис спонсора, пообещавшего издать твою книгу, и обнаружить его с ножом в спине – удовольствие ниже среднего. Закадычные подруги Анфиса и Женька приходят к мысли, что и эта смерть, и попытки покушения на них таинственным образом связаны с детективом, который только что написала Анфиса. Вот тут-то и начинается самое интересное...

Татьяна Полякова

Капкан на спонсора

Идея написать детектив пришла в голову моей подруге Женьке. Именно ее следует винить во всех обрушившихся на нас несчастьях, но сама Женька, конечно, вряд ли с этим согласится. Более того, она нагло утверждает, что это я виновница наших бед, и туманно намекает на некий дар, которым я якобы обладаю, при этом обычно хмурится, смотрит с подозрением и скорее всего считает меня ведьмой. Разубедить ее в обратном не представляется возможным. Стоит мне произнести фразу: «Это случайные совпадения», как Женька начинает хитро щуриться, кривить губы в пакостной улыбке и кивать головой с таким видом, точно хочет сказать: «Кому ты вкручиваешь?» Поначалу меня это злило, и я пыталась ее образумить, потому что никакого подозрительного дара у меня нет и в помине. Увы, все мои попытки заканчивались скандалом; если быть честной, скандалила я: вопила, обзывала Женьку дурой, крутила пальцем у виска и даже топала ногами. Женька кивала, принимала серьезный вид и с интервалом в пять минут повторяла: «Ну чего ты психуешь? Да я верю тебе, верю...» В общем, я оставила свои попытки добиться справедливости, махнула на все рукой, и теперь, когда Женька начинает вспоминать недавнюю историю, я принимаю покаянный вид и соглашаюсь со всем, что

она болтает.

Надо сказать, что Женькино повествование о наших приключениях с каждым разом становится все красочнее и все невероятнее, хотя они и сами по себе здорово напоминают запутанный детектив, где нам с подружкой была уготована роль сыщиков. А началось все с моего желания сесть за стол, взять тетрадочку и сочинить что-нибудь романтическое: дебри Амазонки, красавица в плену у дикого племени, юный возлюбленный, подозрительно напоминающий Тарзана, и прочее в таком же духе... Тяготение к экзотике объяснялось просто: уже несколько лет я работала в туристической фирме и успела кое-где побывать и кое-что повидать, а вот неожиданно обнаружившуюся у меня тягу к графомании я объяснить вряд ли сумею. В каком-то смысле в этом повинна все та же Женька. Она писала стихи (довольно скверные, надо признать) и небольшие рассказы, главными героями которых были попеременно то кошки, то собаки, а один раз даже лемур.

С ним, кстати, была полная неразбериха, потому что Женька лемуrow в глаза не видела и даже, по-моему, с трудом представляла, что это вообще такое, но рассказ написала. Он вышел трогательным и чрезвычайно волнующим, как все Женькины рассказы, в конце которых собака или кошка, пережив колоссальное количество приключений, по большей части трагически заканчивают свою жизнь на руках любящей хозяйки. В общем, лемур тоже сдох, и когда Жень-

ка читала об этом, глотая слезы, я буквально рыдала, хотя понятия не имела, как этот самый лемур выглядит и какая человечеству от него польза.

Рассказы о животных Женька читала мне каждый четверг (в среду у нее больше свободного времени, и она тратила его именно на сочинение новых произведений), я слушала, плакала, мы обнимались с Женькой, тоже плачущей, выпивали литра три чаю и шли куда-нибудь ужинать, по дороге рассуждая о том, что мир устроен скверно и чутким душам здесь не место.

Слезливость моя в ту пору объяснялась просто: только что с нулевым счетом закончился роман, который длился почти год. Мне пришлось признать очевидный факт: человек, которого я любила столь продолжительное время, совершенно мне не подходил, и это несмотря на общие интересы (он был хозяином в той самой турфирме, где я работала), материальный достаток и свободу (имеется в виду, что мы оба до встречи друг с другом не были связаны узами брака). Восемь месяцев наш роман развивался и радовал, на девятом месяце мы подали заявление в загс и, как люди широких взглядов, не дожидаясь выполнения всех формальностей, съехались в одной квартире с целью совместного проживания. Вот тут-то и выяснилось, что для этого самого совместного проживания мы совершенно не приспособлены. Конечно, Денис считал во всем виноватой меня, а я – его, но, если честно, его присутствие в доме с самого первого дня здорово действо-

вало мне на нервы, и, только сбежав в свою однокомнатную «хрущевку», я вновь почувствовала себя успокоенной, потому что мысленно желать по несколько раз за вечер любимому человеку «чтоб ты пропал!» все-таки не очень приятно, и в некоторые моменты меня это даже по-настоящему тревожило.

В общем, мы с Денисом разъехались, но, так как продолжали видеться на работе каждый день, смятение в душе осталось, я грустила, тосковала и отказывалась заводить новые знакомства. Вышагивая после работы домой, утешала себя различными любовными историями, которые тут же на ходу придумывала в больших количествах. Таким образом Женькины собачки, кошки и один лемур в сочетании с моей тоской и жаждой настоящей любви пробудили во мне желание написать роман. Я решала, где должно происходить действие романа – в Бразилии или в Египте (в Египте вместо диких племен мне виделись кочевники), и имела неосторожность открыть свой замысел Женьке. Мои намерения привели ее в восторг.

– У тебя прекрасный слог, – размахивая руками, вещала она, бегая по моей комнате точно заведенная, – и прекрасное знание материала, я имею в виду эту Амазонку... А недавняя трагедия придаст твоему повествованию необходимую достоверность...

Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что действие может происходить как в Бразилии, так и в Египте, можно да-

же сначала в Бразилии, а потом в Египте или наоборот. Героиня – стюардесса, самолет ее терпит крушение, падает в джунглях, в живых остается только она. На поиски самолета отправляется команда спасателей, которую возглавляет молодой красавец... Тут наш союз с Женькой дал первую трещину: она хотела, чтобы молодой красавец был блондином с ярко-синими, точно васильки, глазами, я же, согласившись с синим цветом глаз, настаивала на брюнете.

В этом месте разговор от литературы перешел к суровой действительности, и мы малость повздорили: Женька припомнила мне Дениса, который был брюнетом, оттого и оказался непригодным для совместного проживания, а я, в свою очередь, напомнила про одного блондина, оказавшегося многоженцем, скрывающимся от алиментов на четверых детей, от которого не так давно Евгения Петровна с превеликим трудом избавилась.

Через час Женька покинула мою квартиру в сильнейшем гневе, рывкнув напоследок:

– Или блондин, или никто!

Где-то после полуночи Женька позвонила:

– Пусть он будет русым. Конечно, это не совсем блондин, то есть, если честно, это вовсе не блондин, потому что русым называют всех, кто не брюнет.

– Идиотка! – крикнула я, так как к этому моменту только-только успокоилась и смогла уснуть.

– Ах вот как! – разозлилась Женька. – Делай его кем хо-

чешь, только вряд ли у тебя выйдет что-то путное. У меня есть опыт, с этим ты не можешь не согласиться, и, как человек опытный, я тебе заявляю: или блондин, или у тебя вообще никаких шансов.

– Он будет лысым, – отрезала я и повесила трубку.

Неделю мы продолжали вести переговоры по данному вопросу, в основном прибегая к помощи телефона, и делали друг другу незначительные уступки. Женька предложила обойтись словом «светловолосый», добавив хмуро: «И не надо утрировать, пусть каждый вообразит цвет волос по-своему», – а о глазах она дипломатично помалкивала.

Шла вторая неделя, я не написала ни строчки, но не реже трех раз в день скандалила с Женькой по телефону. В воскресенье вечером она пришла ко мне и прямо с порога заявила:

– Любовный роман – это неактуально. Напиши детектив. Представь: знойный красавец знакомится с женщинами, входит к ним в доверие, а потом убивает...

– Маньяк, что ли? – скривилась я.

– Не обязательно маньяк. К примеру, он грабитель: выбирает женщин побогаче... Или шантажист. Детектив тем и хорош: можно придумать все, что угодно.

– Я же хотела про Амазонку, – обиделась я. – Джунгли, дикие племена...

– Хорошо, пусть в диком племени кого-нибудь убьют, а твоя стюардесса это убийство расследует. Или кто-то в Егип-

те свистнет Тутанхамона, я имею в виду его чучело...

– Мумию, – машинально поправила я.

– Вот, – кивнула Женька, – а стюардесса ее найдет. Гонки на верблюдах, таинственные подземелья... Скажи, класс?

Я согласилась, но идея написать детектив все-таки далеко не сразу угнездилась в моем мозгу.

Еще дней десять после этого Женька звонила мне ежедневно и спрашивала:

– Ну что, начала работать?

– Нет, – вздыхала я.

В мае газета, в которой трудилась Женька, стала испытывать финансовые затруднения, сотрудники были отправлены в отпуск, и моя подруга в целях экономии уехала к родителям в соседний губернский город. Денису в моем присутствии несколько раз звонила какая-то женщина, после чего он исчезал на пару часов. Конечно, я не ревновала, но, согласитесь, это все же не очень приятно. В общем, жизнь особенно не радовала, а тут еще я умудрилась подхватить простуду и свалилась с температурой. Лежать в постели мне быстро надоело, покидать квартиру я опасалась, боясь осложнений, а чем занять себя, не знала, в результате по несколько часов кряду смотрела телевизор, чего обычно никогда не делаю.

В тот вечер по всем каналам шли детективы, причем один другого скучнее. Сначала я хмурилась, потом начала злиться, потом выпила две большие чашки чая с лимоном и почувствовала в себе искру вдохновения, то есть почти полно-

стью придумала детективный сюжет, с моей точки зрения, довольно оригинальный, а главное – интересный.

Несмотря на поздний час, я позвонила Женьке и поделилась с нею своими планами.

– Гениально, – ахнула она через семь минут. – Вот честно тебе скажу, ничего подобного я сроду не читала. Садись и пиши. И чтоб к моему приезду все уже закончила.

– А вдруг у меня не получится? – усомнилась я.

– Еще чего... у тебя талант, я же знаю. Ты прекрасно владеешь слогом, и лучше тебя в твоей турфирме никто...

– Но это ведь совсем другое, – перебила я.

– Ничего не другое. Садись и пиши. Я вернусь, в случае необходимости подредактирую и... В общем, работай, – закончила Женька, и мы торопливо простились, потому что телефонный разговор у нас занял минут двадцать, и с экономией средств, как всегда, ничего не получилось.

Вздыхнув, я извлекла давно припасенную общую тетрадь и с трепетом вывела первую фразу: «Вечер ничего не обещал». Бог знает откуда она явилась, но мне почему-то понравилась, хотя, если честно, и не имела прямого отношения к повествованию. Вслед за первой фразой появилась вторая, третья. Я торопливо писала, точно под диктовку, и где-то часа через четыре, потрясая в воздухе рукой, со студенческих времен успевшей отвыкнуть от таких трудов, с некоторым удивлением увидела, что передо мною лежат десять листов, исписанных мелким почерком. Перечитав написанное и по-

здравив себя с успешным началом, я продолжила повествование.

К моменту возвращения Женьки от родителей роман был закончен. После долгих размышлений я придумала название, отпечатала роман на компьютере и, собрав листы в красивую папку, вывела на ней крупными буквами: «Анфиса Глинская. Убийство в доме с колоннами», подумала и добавила чуть пониже: «Детектив».

Женька вернулась в среду и с огромной сумкой в клеточку возникла в моей квартире.

– Готово? – спросила она, забыв поздороваться. Дрожащей рукой я протянула ей папку, Женька плюхнулась в кресло и начала читать.

Повесть не была особенно объемистой, но и маленькой ее назвать трудно – в общем, Женька читала несколько часов. Все это время я осторожно бродила по квартире, то и дело приглядываясь к подружке. Она перевернула последний лист, подняла на меня глаза, в которых, точно крупные бриллианты, сверкали слезы, и заявила тихо, но с большим чувством:

– Потрясающе... Я всегда говорила: у тебя талант. Так и есть. Читается на одном дыхании... Да мы всех этих звезд за пояс заткнем.

– Думаешь, его напечатают? – усомнилась я.

– Напечатают, – заверила Женька. – Это я беру на себя. А ты пока обдумывай сюжет следующего романа.

Я кивнула, но решила ничего не обдумывать, а посмотреть, что получится у Женьки.

Подружка развила прямо-таки фантастическую деятельность, и в результате мы оказались втянутыми в такую историю... В общем, что бы теперь ни болтала Женька, намекая на всякие глупости, но она в происшедшем виновата не меньше меня, а может, даже и больше, как посмотреть. С Женькой мы всегда смотрим по-разному, у нее выходит так, у меня эдак, но одно не подлежит сомнению: если бы не Женька, написанный мною детектив так и остался бы лежать в столе и... Впрочем, не буду забегать вперед, попробую рассказать все по порядку.

...Женька позвонила около двух; само собой, в это время я была на работе, так как нормальные люди по средам работают, а вот Женька – нет, но ее мало кто считал нормальной.

– Слушаю, – пропела я в трубку, ожидая, что это клиент, но вместо пожелания отправиться на Канары услышала Женькин голос:

– В три жду тебя возле Дома творчества. Вход со двора, не перепутай. И не опаздывай. Возьми такси, здесь машину припарковать негде. Да, и юбку длинную надень.

– До пят, что ли? – фыркнула я.

– Нет, можно не до пят, но обязательно ниже колена. У тебя очень выразительные ноги, и мужики ни за какие коврижки не поверят, что женщина с такими ногами может написать

что-то путное... На всякий случай напяль что-нибудь бесформенное, балахончик из мешковины, у твоей Верки-зануды такой есть. Бюст у тебя тоже выразительный, и лучше всего его прикрыть. И очки у Верки возьми...

– Ты спятила, что ли? – начала я всерьез беспокоиться.

– Вовсе нет, – обиделась Женька. – Тебе надо принять облик провинциальной интеллигентки: ни тебе денег, ни тебе вкуса, только ум и скорбь за Россию. А здесь без очков – ни-ни...

– Ты все-таки спятила, – озадачилась я. – Какая интеллигентка, и почему я должна нестись в Дом творчества, когда у меня полно работы?

– Ты меня с ума сведешь! – ахнула Женька. – Ты что, забыла, какое сегодня число? – Я взглянула на календарь с некоторым недоумением. – Сегодня писательские посиделки, и, между прочим, будут разбирать твой роман.

– Мамочка! – ахнула я и кинулась к Денису. Последнее время он чувствовал себя немного виноватым и с радостью отпустил меня до конца рабочего дня. Я подскочила к Верке, сидевшей за столом напротив, и, воспользовавшись ее замешательством, стянула с нее балахон, который она торжественно именovala свитером, и юбку, взамен всучив свои, нахлобучила на нос Веркины очки, вытянула руку, пытаясь разглядеть пальцы, не смогла и плюнула: в конце концов, я могу время от времени их снимать.

Тут открылась дверь кабинета Дениса, и на пороге по-

явился он сам, замер с глуповатым видом, косясь на Верку, которая, кстати сказать, в моих тряпках выглядела очень даже ничего, перевел взгляд на меня и спросил испуганно:

– Что это?

– В каком смысле? – насторожилась я.

– Почему ты выглядишь так по-дурацки?

– В самом деле? – Это показалось обидным, я нахмурилась, пожала плечами и заявила: – Я должна выглядеть интеллигентно. А Женька считает, что с моей фигурой такое невозможно.

– И поэтому ты влезла в этот мешок?

– В свитер, – обиделась Верка. – Между прочим, я его в Каире купила, и недешево.

– С ума сойти, – буркнул Денис и исчез в кабинете, забыв, по какой надобности выходил.

– Иногда он заговаривается, – шепнула Верка, глядя на дверь кабинета, за которой исчез наш шеф. – По-моему, он опять влюбился.

Эту тему поднимать не стоило.

– Мне нет до этого никакого дела, – заверила я и поспешила удалиться, схватив сумку и путаясь в подоле юбки: юбка длинная, узкая, и передвигаться в ней было крайне затруднительно.

Не успела я покинуть здание, в котором размещалась наша фирма, как тут же увидела Женьку: она «выпала» из остановившегося у подъезда такси. Говорю «выпала», потому что

на ногах подружка устояла с большим трудом, и виновата в этом была юбка: такая же длинная и узкая, как моя. Откуда она взялась у Женьки, для меня было загадкой.

– Что это на тебе? – удивилась я, когда мы застыли на тротуаре, критически рассматривая друг друга.

– А то не видишь, – хмуро ответила Женька.

– Что-то я раньше не видела тебя в таком... виде.

– Еще бы. Ты со мной в литературный кружок не ходишь, хотя я тебя сто раз приглашала.

– Так это что, униформа для литературного кружка?

– Вроде того. Я ж тебе рассказывала: там нет мужчин и женщин, там все литераторы. Поэтому к одежде нужно относиться... равнодушно, – вдруг порадовалась Женька нужному слову. – И не выделяться, в смысле различия полов.

– Что за глупость? – ахнула я, потому что считала, что различия как раз должны быть, причем существенные.

– Творческие люди мыслят другими категориями, – вздохнула Женька, – и ценности у них тоже другие.

– Какие же, интересно? – начала злиться я.

– Ладно, не заводись, – загнусавила Женька. – Потопали.

– У меня, между прочим, работа.

– Ну и что? Подумаешь. У меня тоже работа. Она не волк, в лес не убежит.

– Оставь свои глупости, – проворчала я, почувствовав, что начинаю волноваться. – Лучше расскажи, чего мне следует ждать.

– Если честно, ничего хорошего, – кашлянув, сообщила Женька. – Их там семь человек, и все как на подбор гении. Моих собачек они не жалуют, и детективом их тоже не проймешь. Твоя задача произвести хорошее впечатление на Ипатова, зовут его Яков Семенович, впрочем, я тебе о нем рассказывала. Если он даст положительный отзыв, мы пойдем к его приятелю Аполлонскому. Он директор издательства. Конечно, издательство так себе... если честно, то совсем паршивое, абсолютно безденежное.

– Тогда зачем к нему идти? – удивилась я.

– Произвести впечатление. Хорошее, разумеется. От Аполлонского может быть существенная польза, хотя вряд ли он за здорово живешь издаст твой роман.

– Что значит «за здорово живешь»? – испугалась я, так как была законопослушной гражданкой. – Ты имеешь в виду взятку?

– Какая, к черту, взятка? Говорю, они нищие, как эти... церковные мыши. Придется искать спонсоров. Но чтоб найти спонсора, нужно заручиться поддержкой Ипатова и Аполлонского. Поняла?

– Поняла, – нахмурилась я. – Может, не стоит нам влезать во все это? Бог с ним, с детективом.

– Стоит, стоит. Тут главное – произвести впечатление. А начнут пургу гнать, ты сиди скромно, глазки опустив, а потом непременно поблагодари, мол, они тебе большую пользу принесли.

– Какую пользу? – разволновалась я.

– Критика автору всегда на пользу. Да, и вот что еще, я тебе псевдоним придумала: Анна Асадова. Звучит?

– Зачем мне псевдоним? – удивилась я.

– Затем. Ну что такое, в самом деле, Анфиса Глинская? Ты извини, но имя у тебя ни на что не похоже. Сразу мультфильм вспоминаешь...

– Ну, знаешь ли... – обиделась я.

Без десяти минут четыре мы стояли у подъезда Дома творчества. Он вовсе не был домом, в том смысле, что занимал лишь незначительную часть особняка, построенного в начале века. Слева широкая дверь магазина «Продукты», справа страховая компания «Щит», а посередине узкая и довольно обшарпанная дверь, которая радовала взор обилием табличек. Женька, перекрестившись, шагнула к этой двери и позвонила. Звонка мы не услышали, так как Дом творчества располагался на втором этаже, подергали дверь и смогли убедиться, что она заперта.

– Это что ж такое? – нахмурилась Женька, а я ткнула пальцем в бумажку, приклеенную к стеклу на двери. Стекло оказалось довольно грязным, и разглядеть, что написано на клочке бумаги, было затруднительно. Глазастая Женька прочитала вслух: «Вход со двора», виновато вздохнула и зашагала, я потрусила следом. Со двора вела дверь в ломбард с огромной вывеской: «Мы придем вам на помощь», а также

дверца в полуподвал, на которой приклеили тетрадный листок с надписью: «Дом творчества». К счастью, она была открыта. Мы спустились на пять ступенек, оказались в маленьком холле, откуда по крутой лестнице поднялись на второй этаж.

Обстановка Дома творчества была небогатой и сильно напоминала канцелярскую. Длинный коридор и шесть дверей по обе стороны. Перед первой дверью Женька остановилась, хитро мне подмигнула и отважно вошла. За огромным столом в полном одиночестве восседал дядька неопределенного возраста и странной наружности. Он явно скучал и вертел в руках ключ. Пальцы толстенные, короткие, с неровными, точно обгрызенными ногтями. При виде нас он оживился, громко сказал «здравствуйте» и «присаживайтесь», после чего продолжил возню с ключом, но теперь выглядел не просто скучающим, а задумчивым. Я взглянула на Женьку, но спросить, что это за тип, не рискнула: комната маленькая – и мой вопрос он бы непременно услышал.

Мы сели у окна на расшатанные стулья, Женька откашлялась и дипломатично заявила:

– Хорошая погодка сегодня...

Дядьке надоело тоскливо пялиться на закрытую дверь, и он решил поддержать разговор. Женька на радостях запела соловьем, легонько толкнула меня в бок локтем и с видом ярмарочного зазывалы сообщила:

– А это, Яков Семенович, моя подруга Анна Асадова...

– Ага, – хмыкнул он, – автор детективных произведений.

– Я пока написала только один роман, – испуганно сообщила я, сообразив, что дядька здесь самый главный.

– Сейчас все пишут, – сказал он и засмеялся. Мы засмеялись тоже, решив, что это шутка и реакции от нас ждут соответствующей. – Что ж, посидите немного, а я покурю. – Ипатов поднялся и пошел к двери, а я накинулась на Женьку:

– Это правда он?

– Кто? – испугалась она.

– Твой Ипатов, конечно! Скажи на милость, почему он такой чумазый?

– Откуда мне знать? Он гений. К тому же демократ и увлекается восточной философией или чем-то там еще. Мудрецы не любят мыться. И отстань, я волнуюсь, а ты пристаешь с глупостью.

Тут дверь распахнулась, и в комнате появилась очень колоритная парочка. Круглолицая румяная дама невысокого роста и выдающейся комплекции и длинный худой мужчина, очень похожий на суслика.

– Здравствуйте, – нараспев сказала женщина, а суслик кивнул.

– Это Оля и Сережа, – затрещала Женька. – А это Анна Асадова, про которую я вам рассказывала.

– Читали, читали, – бабьим голосом заявил Сережа и хитро мне подмигнул. В ответ я выдала свою лучшую улыбку.

Понемногу в комнате стали собираться люди, за исключе-

нием лунолицей Ольги одни мужчины. Гениальный Ипатов тоже вернулся и теперь баловал товарищей какой-то притчей, при этом почему-то стоя к Ольге спиной, но ей и спина, судя по всему, нравилась, она неотрывно смотрела в затылок Ипатову с блуждающей на губах улыбкой и, сложив на груди пухлые ладошки, томно вздыхала. Потом повернулась ко мне и громким шепотом заявила: – Гений гениален даже в малом.

Смысла я не уловила, зато заметила, как уши гения дрогнули, а он, выдержав паузу, наконец-то повернулся к толстушке лицом и добродушно спросил:

– Как здоровье? – А между прочим, мог бы и не спрашивать: глядя на ее круглое лицо с ярким румянцем, только жуткий недотепа усомнился бы в том, что Ольга исключительно здорова.

– Спасибо, – расцветая улыбкой, ответила Ольга и торопливо добавила: – Я прочитала ваш роман. На одном дыхании. – В этом месте она судорожно вздохнула, подняла взгляд к потолку и еще раз повторила: – На одном дыхании...

– Ну-ну, – кивнул Ипатов и, расправив плечи, зашагал к своему месту за столом.

Все торопливо расселись, почему-то не глядя в нашу сторону, более того, все как бы нарочно делали вид, что нас здесь и вовсе нет. Такое невежливое и даже странное поведение меня не на шутку разволновало, я усмотрела в этом дурной знак.

– Вы знаете, – произнес Ипатов с легким намеком на торжественность, – сегодня у нас обсуждение... романа Анны Асадовой. – Он кивнул головой в мою сторону. – Роман написан в жанре детектива. – При этом слове все непроизвольно поморщились, а я еще больше испугалась. – С рукописью ознакомились?

Трое из семи сидящих мужчин кивнули, а мне стало стыдно: отняла время у серьезных людей...

– Я также ознакомился с рукописью, – вздохнул Ипатов, посмотрел на Женьку как на врага и тут же отвел взгляд, избегая встречи с моей несчастной физиономией. – Итак... кто желает высказаться?

Высказаться пожелали все, в том числе и не читавшие романа. Увы, их критика вполне могла сойти за хамство, но думать плохо о совершенно незнакомых людях не в моих правилах, и я остановилась на определении «нелицеприятная». Ипатов отмалчивался, но время от времени удовлетворенно кивал головой. Ольга незаметно начала кивать в такт, а потом громогласно заявила:

– Вещь скучная. – Сделала паузу, в продолжении которой все притихли и даже насторожились, а она добавила: – Я смогла прочитать только тридцать пять страниц, хотя очень старалась...

Через несколько минут выяснилось, что старалась она все-таки не зря, потому что хоть и смогла прочитать мой роман только до тридцать пятой страницы, но содержание

его знала лучше, чем я, что позволило мне заподозрить ее в некотором лукавстве. Но поразила меня вовсе не румяная Ольга, а гениальный Ипатов. Под конец он взял слово и высказывался минут пятнадцать. Некоторое время я следила за ходом его мысли, но мысль была столь витиевата, что на десятой минуте Яков Семенович сам потерялся, почмокал губами, удивленно взглянул, пытаясь припомнить, по какому поводу его товарищи собрались и сидят теперь, хмурая лбы, и ни с того ни с сего рассказал очередную притчу, смысла которой я вновь не уловила, наверное, из-за сильнейшего волнения. Причем не только я одна. Когда Ипатов замолчал, все настороженно замерли, ожидая продолжения, ничего не дождались и в отместку вновь накинудись на меня, да так рьяно, что через пять минут я почти не сомневалась: мне предложат длительный отдых... скажем, в сумасшедшем доме.

К счастью, слишком бурные эмоции всех изрядно вымотали, и экзекуция длилась не так долго, чтобы я успела скончаться от стыда за свою бездарность и нахальство. Я сидела с багровым лицом, косясь на Женю, которая сменила окраску с красной на бледно-зеленую и явно готовилась дать решительный отпор.

— Извините, — проямлила я. — Вы хотите сказать, что мой роман никуда не годится?

— Э-э, — Ипатов весомо крикнул и спросил: — Вы по профессии кто?

— Экономист...

– Ну вот, дорогая, и занимайтесь своим делом. А литературу оставьте в покое... знаете, как говорится, «коль сапоги начнет тачать пирожник...» или что-то в этом роде...

– Извините, – повторила я, поднялась и, пятясь задом к двери, потянула за собой Женьку. Смотреть на нее было жутковато, и как-то угадывалось, что ей есть что сказать каждому из присутствующих. К счастью, мы очень быстро оказались на улице. Женька смогла расцепить челюсти и громко чертыхнулась. Не глядя на подружку, я ускоренным шагом рванула к остановке такси, путаясь в подоле чужой юбки.

– Анфиса, – Женька схватила меня за локоть, – ты только не бери в голову...

– Заткнись! – рявкнула я. – Ведь знала: ничего путного из твоей затеи не выйдет, и все же пошла на поводу... Господи, какой стыд, да они меня только что душой не назвали...

– Велика беда, – презрительно фыркнула Женька. – Если хочешь знать, это все из зависти: детектив получился очень приличный, можешь мне поверить. Пусть я сама пишу ерунду про собак и кошек, но хорошую книгу от плохой, слава богу, могу отличить и заявляю ответственно: роман очень и очень неплох. А они – шайка бездарей... Зря я тебя сюда притащила.

– Это точно, – вынуждена была согласиться я.

– Я ж добра хотела, – вздохнула жалобно Женька. – Ну чего ты...

Я тоже вздохнула:

– Ладно, пойдем пешком. У Дениса я на сегодня отпросилась.

– Слушай, – вдруг вспомнила подружка, – мы рукопись не взяли. Вернемся?

– Ну уж нет! – взвыла я.

– Ладно. Через несколько дней зайду к Ипатову и заберу. Ты подумай, какой мерзавец, я ему к юбилею хвалебную статью, а он мне такую свинью...

– Может, он правду сказал?

– Как же, правду, – презрительно фыркнула Женька. – Ты эту публику не знаешь... Все как на подбор мнят себя гениями, а сами бездарь на бездаре и бездарем погоняют.

– Мне это совершенно неинтересно, – отрезала я, а Женька вздохнула, сказала «ага» и добавила не без злорадства: – Хрен они теперь в моей газете напечатают хоть строчку, вот провалиться мне на этом месте.

– Ну чего ты? – устыдилась я, взяла ее под руку, и мы не спеша побрели в сторону любимого кафе, чтобы в очередной раз нанести удар по своему бюджету и нарушить клятву не есть сладкого.

Понемногу мы успокоились, и я даже смогла усмотреть в происшедшем положительные стороны, например: беготня с рукописью сомнительного качества отменяется, и жизнь вновь пойдет своим чередом.

– Я ее в Москву пошлю, – заявила Женька после третьего пирожного.

– Вот только попробуй, – возмутилась я.

– Чего ты? Там на тебя никто орать не будет. А вдруг повезет? Станешь знаменитой. Я к тебе в литературные агенты пойду...

– Отцепись, – сказала я и для большей убедительности погрозила Женьке кулаком. – С литературой покончено, раз и навсегда.

Впоследствии я могла убедиться, какое здравомыслие проявила в ту минуту. Ведь ясно было: предприятие, начавшееся столь паршиво, и в будущем не сулит ничего хорошего, но, если б я только знала, какие беды обрушатся на нас из-за этого дурацкого романа... я б сожгла его собственными руками.

Женька позвонила около шести; была суббота, я устроилась на своем балконе с банкой пива и орешками и намеревалась поработать. В это время года всегда наплыв клиентов, а я собиралась в отпуск и должна была успеть сделать очень много.

Тоном, не терпящим возражений, Женька заявила:

– Я возле картинной галереи. Жду через полчаса. И оденься пооживленней, ну, ты понимаешь... Здесь будет Аполлонский, ты должна произвести впечатление.

– Слушай, – заныла я, – может, не стоит суетиться, может, сунуть этот роман куда подальше и...

– Знаешь, что тебя погубит? Отсутствие характера. Всегда

надо идти до конца. Ты мне еще спасибо скажешь. Короче, не волнуй меня и быстро сюда. Жду возле входа, и пооживленнее, пожалуйста, пооживленнее.

— Я вообще-то здесь по работе, — заявила она, как только я оказалась рядом. — Сегодня открытие персональной выставки, и я должна взять интервью, но одно другому не мешает, главное — Аполлонский здесь. — Женька критически оглядела меня с ног до головы, кивнула без особого одобрения и ходко затрусила в галерею.

В огромном зале вдоль левой стены у окна стояли несколько мужчин и женщин. В центре группы находился совершенно лысый молодой мужчина с удивительно красным носом. Жутко шепелявя, он что-то рассказывал, размахивая руками. Я торопливо огляделась и вторично сбилась с шага, а Женька выронила сумку и чертыхнулась. Вышло это довольно громко, на нас обратили внимание.

— А вот и пресса! — воскликнул лысый и широко улыбнулся, а я окончательно растерялась: у него не хватало по меньшей мере десяти передних зубов, еще чудо, что он хоть гласные выговаривал.

— Добрый вечер! — гаркнула Женька и мило раскланялась, кого-то высматривая при этом; как видно, не высмотрела, нахмурилась и осталась недовольной. Лысый продолжал махать руками, Женька делала вид, что слушает, а я пошла взглянуть на картины. Где-то минут через двадцать Женька

присоединилась ко мне.

– Ну как? – спросила она со вздохом.

– Он псих, – констатировала я.

– Валахов? Само собой. А вот Гавриленко – форменный сумасшедший.

– Кто такой? – насторожилась я.

– Тип, который устроил эту выставку, ну... бабки дал. Нашел кому дать, козел... у нас такая рукопись – Дэшел Хэммет в гробу перевернется, а он деньги на всякую мазню выкидывает. Я всегда твержу этим олухам: помогать надо достойным...

– У людей могут быть свои представления...

– Ага, дурак дурака видит издалека. У меня от этой живописи изжога. Пойдем в буфет, а?

– Невежливо как-то сразу.

– Да брось ты. Все, кто поумнее, давно там.

– Как вам мои картины? – прошепелявили за спиной, и через секунду в поле моего зрения возник лысый. – Только честно, не надо этих комплиментов...

Я вытаращила глаза, пытаюсь понять, о чем он. Женька из-за спины лысого делала мне знаки. Пантомиму можно было понять только в одном смысле: пошли его к черту, и потопали в буфет.

Я справилась с глазами, вернув их на прежнее место, и с проникновенной улыбкой произнесла:

– Ничего.

– В смысле? – насторожился шепелявый.

– В смысле, бывает хуже. Я имею в виду диагноз.

– Точно-точно, – влезла Женька. – Я тебе вот что скажу, Аркаша, пиши, пиши, а мы смотреть будем и, может, даже купим чего, не домой, конечно, нет. Но есть места, где твои картины выглядели бы просто... восхитительно.

– В психушке, что ли? – скривился Аркаша.

– И в психушке, и в вытрезвителе... Так что пиши, родной, пиши.

– Заметку в газету тиснешь? – хмыкнул он, нимало не печась.

– Само собой, а зачем я здесь?

– Только наркоманом не назови. Гавриленко в партию подался, забыл, как называется... короче, «голубых» и наркоманов там не жалуют...

– А кто вас жалует? – вздохнула Женька и добавила: – Я хорошо напишу. Я о творческих людях плохо писать не умею. Другое дело сказать в глаза: Аркаша, рисуй котов, а? Или собак. Хорошие животные, и для душевного здоровья много полезнее.

– Ага, котов... Кому нужны твои коты? Ладно, пойдем выпьем. Я тебя всегда уважал за прямоту.

– Может, зря мы его так? – минут через пятнадцать устыдилась я, сидя в буфете. – Может, он правда талант?

– Алкаш он... и псих. Но лучше пусть голые задницы рисует, обзывая их «вселенной», чем выходит с острым ножич-

ком на ночную прогулку.

– А это ты к чему сказала? – насторожилась я.

– Много красного цвета. И внутренности на блюде... впечатляют. Ведь это все сотворить надо, хоть и на холсте. Кто ж знает, что за мысли бродят в его лысой башке?

– И вы здесь, Евгения Петровна? – прошептал вдруг кто-то. Мы дружно повернулись и узрели господина неопределенного возраста, с брюшком и усами. Пышную шевелюру украшала благородная седина. Глаза молодо поблескивали, рот был подвижен, причем до такой степени, что слегка подергивался, даже когда господин молчал.

– Андрей Васильевич, – кудакнула Женька, прижав руку к груди, и закатила глазки, затем подняла бюст на максимально возможную высоту в глубочайшем вздохе и резко опустила его вниз. Андрей Васильевич одним глазом с интересом наблюдал за перемещениями Женькиного бюста, другим косил на меня.

– Давненько не виделись, – пропел он шепотом и лобызнул руку подружки, потом, растянув до ушей рот, сосредоточился на мне, то есть сграбастал мою ладонь и спросил: – А это, надо полагать, прекрасная Анна.

– Она, – выдохнула Женька, полностью перейдя на кудактанье и лишившись от счастья лицеизреть возле себя Андрея Васильевича возможности разговаривать нормально.

– Ага, – сказал он и приложился к моей ручке.

– Это Аполлонский Андрей Васильевич, – заторопилась

Женька, дополнив кудяхтанье мимикой и жестами (они выражали бурную радость, граничившую с восторгом). – Это Анна Асадова. И мы по чистой случайности захватили с собой рукопись. Я знаю, как вы заняты, но...

– Конечно, конечно... Я посмотрю. Не в моих правилах отказывать женщинам. – Тут они оба засмеялись, если уж быть точной – заржали, а я растянула рот до ушей, показывая, как мне с ними весело. – Ну что выставка? – спросил Аполлонский. – По-моему, полное дерьмо.

– Кто его знает, Анна говорит, вдруг он гений...

– Ну, Анечка, вы просто далеки от живописи...

– Может быть, – покорно согласилась я.

– Аркаша безобидный чудак, пьяница и бездарь, вот и все... А вы занимаетесь литературой? – улыбнулся он.

– Я написала детектив. Евгении он понравился. Вашим друзьям в литературном кружке нет. Так что, возможно, я тоже бездарь, хотя и не пью.

– А вот это зря... выпейте шампанского, улыбнитесь, у вас чудесная улыбка. И запомните: у издателя не бывает друзей.

Только он собрался опять заржать, как вошла Женька:

– Андрей Васильевич, прочитайте детектив, правда, классная вещь.

– Возможно, – вздохнул он. – Ну и что? Деньги, милая, деньги...

– Вы ж на этом заработаете.

Бедняга так скривился, точно у него зубы прихватило.

– Ищите спонсоров, – сказал он. – И я вам тогда все, что хотите, напечатаю: могу календари, а могу роман.

– Что спонсоры, а потом? Куда мы с этими книжками? По поездам в розницу продавать?

– А что? У нас так многие делают. Издадут на свои деньги и ходят. У кого в газетном киоске знакомые, или в магазине пристраивают... Но и поездами не брезгают. Пожилые люди, между прочим, заслуженные. А тут красивая девушка, да она за день весь тираж распродаст. – Он все-таки заржал, а я послала Женьке благодарный взгляд, отчего ее слегка пере-косило, и она принялась рыться в своей сумке, приговаривая заунывно:

– Очки куда-то дела...

– А о чем детектив? – вдруг спросил Аполлонский. – Убийство?

– Конечно, – пожала я плечами.

– Ну и кто кого, муж жену или жена мужа?

– Муж жену.

– Оригинально. И что?

– Ничего. Поймали и посадили в тюрьму.

– Тоже ново.

– Чего ты из себя дурака-то строишь? – забыв про очки, спросила Женька. – В мире всего-то пяток оригинальных сюжетов. Ну убил муж жену, дело-то не в том, чтобы придумать что-то из ряда вон выходящее, а в том, чтобы банальные вещи показать с неожиданной стороны. А здесь лю-

бопытная интрига, психологизм... женский взгляд... Муж, убив жену, пытается ввести всех в заблуждение и уезжает с молодой девушкой на курорт, выдавая ее за убитую. Инсценирует несчастный случай, девушка погибает. Он оказывается вдовцом, но через две недели после истинной смерти жены. Алиби железное.

– А старушка потихоньку разлагается где-нибудь в кустах роз...

– Георгинов, – подсказала я.

– Вот-вот. Где-то я уже читал...

– И еще раз прочитаешь! – рывкнула Женька, после чего перешла на зловещий шепот: – Тебе кто бабки отстегивает? Гавриленко? Правильно, потому ты и здесь. А то, что он «голубым» войну объявил, ты знаешь? А я знаю. И подкину на тебя компромат. Не в газете, нет. С глазу на глаз. Намекну, одним словом.

– Кто тебе поверит? – хохотнул Аполлонский. – Я известный...

– Бабник, – подхватила Женька. – Был. Стар стал, перестал справляться, вот и потянуло... черт-те на что...

– Плохая шутка, – нахмурился Аполлонский и вроде бы вправду обиделся, а я, поставив бокал, потащила Женьку к выходу, пока мы чересчур не подружились с усатым.

– Спятила совсем? – увещевала я подружку.

– Ладно, чего ты. Он переживет.

– Да за такие слова... Слушай, это, между прочим, назы-

вается шантажом.

– Поучи. Моя мамуля глупых детей не рожала. Знаешь, расстраивают меня эти гады, потому что совсем без понятия. Я ведь чувствую, хороший детектив получился. Честно. Не потому, что я подруга, а просто... ну ты понимаешь. А как написано! Агата Кристи, ей-богу. Я два раза плакала...

– Это нетрудно, – вздохнула я.

– Я плакала от счастья, что у тебя такой талант открылся. А эти гады его в землю зарывают. И ведь все из лени да зависти.

– Слушай, Женька, может, наплюем на все это? – робко предложила я: общение с творческой интеллигенцией к тому моменту здорово утомило меня.

– И даже думать не смей! – погрозила мне Женька пальцем. – Будем искать спонсоров.

На этот раз она позвонила в первом часу ночи, как раз в тот момент, когда жгучий красавец торжественно предлагал мне: «Стань моей навеки». Ответить я не успела, чем, должно быть, красавца расстроила, проснулась, сняла трубку и услышала Женькин голос:

– Дрыхнешь, а мне за двоих отдуваться приходится.

– Лучше б ты вздремнула, – посоветовала я, косясь на часы и пытаясь решить, как вежливо, но доходчиво дать понять подруге, что в такое время беседовать о делах я просто не в состоянии.

– Я к тебе сейчас приеду.

– Не надо, – испугалась я. – Завтра полно работы, надо выспаться.

– Тебя что, не интересуют новости?

– Хорошие или плохие? – насторожилась я.

– Плохие, – вздохнула Женька.

– Тогда, может, подождем до утра? Куда торопиться?

– Оно конечно. – Женька вторично вздохнула. – Хотя и мне несладко носить все это в себе... Сообщаю коротко: встречалась с Гавриленко...

– Меценатом?

– Козлом. Такой, я тебе скажу... Ладно. Пусть живет. Говорят, и от лягушек есть польза.

– А чего звонишь так поздно? – Спать уже не хотелось, и я была не прочь поболтать.

– Так ведь я с ним ужинала. Только что расстались. Денег не дал, а начал приставать. Прикинь, никакой совести у людей. Еле за дверь выпихнула. Надо глянуть, нет ли у нас на него какого компромата... Женé-то уж точно изменяет... Пропечатать гада, чтоб впредь неповадно было. Соловьем пел: Женечка, Женечка, а как дошло до дела, то есть до денег, так и скуксился.

– Может, у него и вправду денег нет? – усомнилась я.

– Как же, нет, все у него есть. Он, видишь ли, патристическому движению помогает, наш общий друг кубист-разделочник, оказывается, патриот, а мы рожей не вышли. Детек-

тивы ему не нравятся, вот если б ты «Хорста Весселя» написала, само собой на русском материале, тогда другое дело.

– Значит, не судьба, – посочувствовала я, а Женька разозлилась:

– Между прочим, для тебя стараюсь...

– А ты не старайся, говорю, не судьба.

– Чтоб я этих ренегатских разговоров больше не слышала, черт с ним, с Гавриленко, без него мужики с бабками найдутся. Надо только проявить настойчивость и найти к людям правильный подход.

– Вот и ищи, – обрадовалась я, – а мне спать пора.

Неделю Женька у меня почти не появлялась, говорю «почти», потому что в четверг мы встретились, читали Женькины рассказы, плакали и пили чай, но о детективе даже не заговаривали. Так вот, после недельной спокойной и размеренной жизни подружка вдруг ворвалась в нашу турфирму, одетая чрезвычайно оживленно: кожаные шорты, кружевной топ и парик ядовито-оранжевого цвета, и заорала с порога:

– Кончай работу!

На счастье, в комнате в тот момент были только я и Верка, обе к Женьке приученные, поэтому отреагировали спокойно: не бросились на улицу с воплем «пожар!», а тихо-мирно продолжили трудовой подвиг. Верка, оторвавшись от бумаг, спросила лениво:

– Чего орешь?

А я поинтересовалась:

– Тебе в парике не жарко?

– Я сегодня голову вымыть не успела, а тут такая встреча.

Собирайся, поехали.

– Куда? – вздохнула я.

– К спонсору. Есть еще на свете добрые люди.

– И кто он, этот добрый? – удивилась Верка.

– Аверин Ярослав Сергеевич, очень серьезный бизнесмен.

– Никогда о таком не слышала, – нахмурилась я.

– Ну и что, он тоже о тебе не слышал, вот и познакомитесь.

– Аверин – это «Компьютерный рай»? – все-таки оторвалась от бумаг Верка. – Солидная фирма. Большие бабки. Может быть, действительно чего даст? – Верка была в курсе наших дел и, хоть рукопись не читала, считала ее выдающейся и близко к сердцу принимала чужие хлопоты.

– Может быть, – пожала я плечами и задала вопрос Женьке: – Где ты его откопала?

– Что за выражение? Он рекламу в нашей газете размещает постоянно, вот я и решила... Короче, Аверин нас ждет в 11.00. В 11.15 у него уже другая встреча, так что или мы катим к нему, или счастье мимо нас. И я тебя умоляю, будь оживленнее, скажи что-нибудь приятное человеку, закинь ножку на ножку... – В этом месте Женька перегнулась через мой стол и удовлетворенно кивнула: – Хорошо, что юбка короткая. Мужик он молодой, заметь, неженатый, ты красавица, а про меня и говорить нечего. Короче, если мы этого парня не обломаем, значит, мы кретинки, сидим дома и ум-

ные лица людям больше не кажем. Соберись, Анфиса, настал твой час.

Через минуту мы уже неслись в сторону площади Пушкина, где и находился тот самый «Компьютерный рай».

Фирма занимала первый этаж особняка девятнадцатого века. По дороге Женька успела меня просветить: Аверин владеет сетью магазинов в городе и области, человек он, безусловно, порядочный, в том смысле, что в криминале уличен не был, и вообще слухов о нем никаких, что само по себе говорит о многом. Политикой не интересуется, никуда не лезет, а доход имеет приличный, в общем, наш человек, главное – произвести благоприятное впечатление.

Мы поднялись на высокое крыльцо, Женька нажала кнопку, дверь с легким щелчком открылась, подружка мне подмигнула и шагнула вперед.

В офисе царила тишина, пока мы шли длинным коридором, только телефонные звонки, доносившиеся из-за дверей, намекали, что работа идет полным ходом. Нас обогнала девушка в малиновом костюме и спросила:

– Вы к Ярославу Сергеевичу?

– Да, – на всякий случай нахмурилась Женька.

– Проходите, он у себя. – Девушка постучала, распахнула дверь, но с нами не вошла, а исчезла за соседней дверью с надписью: «Бухгалтерия». Стало ясно: порядки здесь демократичные, чему я от души порадовалась.

Кабинет был просторным и светлым, но тоже демократич-

ным: на окнах жалюзи, стол большой и удобный, ковер на полу потертый, а мебели необходимый минимум. Человек за письменным столом при нашем появлении мельком взглянул на часы (я тоже взглянула: ровно одиннадцать), по этой причине или по другой Ярослав Сергеевич широко улыбнулся, поднялся нам навстречу и сказал негромко, но с большим чувством:

– Очень рад...

– Вот, знакомьтесь, – подружка по обыкновению начала симулировать жаркий энтузиазм, – это та самая Анна Асадова, о которой я вам рассказывала, а это Ярослав Сергеевич, очень возможно, что он решит нам помочь.

– В меру сил, конечно, – кивнул хозяин кабинета, но чувствовалось, что он в самом деле готов.

Появилась неизменная девушка с неизменным кофе, и Аверин спросил:

– Скажите, Анна...

– Можно просто Аня, – заторопилась я, не зная, могу ли оставить Анне Асадовой собственное отчество.

– Спасибо... Так почему же все-таки детектив, а не любовный роман, к примеру?

Он так спрашивал, точно это его в самом деле интересовало, и я попыталась объяснить, одновременно следя за часовой стрелкой: всю беседу требовалось уложить в двенадцать минут. Я справилась, правда, из-за этого кофе так и не попробовала, ну да ладно.

– Вы не возражаете, если я сначала прочитаю вашу рукопись, а потом дам ответ? – спросил он вроде бы даже застенчиво.

– Конечно, – обрадовалась я, не тому даже, что он не против помочь, а тому, что кто-то решил прочитать мое творение.

Женька положила на стол папку, мы простились и, не помню как, оказались на улице.

– Уф! – выдохнула Женька. – У тебя закурить есть?

– Я не курю.

– А то я не знаю. Могла бы купить для подруги.

– Ты тоже не куришь, – напомнила я.

– Что думаешь? Вроде все путем, а? Ты была неподражаема, век воли не видать. Это плюс и это минус. Красота дорогого стоит, но мужики твердо уверены, что красивая баба ни на что не пригодна в смысле полезной деятельности, то есть полезной не для конкретного индивида, а для общества.

– Ты зануда, – кивнула я.

– Я волнуюсь. Слушай, чего он сказал: ему позвонить или он позвонит?

Я задумалась, потом пожала плечами:

– Не помню.

– Вот так раз... Вернуться, что ли?

– С ума сошла? Подождем пару недель, если он не позвонит, тогда уж сами. Рукопись прочитать надо, а он человек занятой.

– Там всего сто восемьдесят страниц, и читается легко, просто на одном дыхании.

– Пойдем мороженое слопаем, и мне на работу...

– А мне нет? Ладно, пошли. А он мужик симпатичный...

На это я ничего сказать не могла, потому что Аверина совершенно не разглядела, должно быть, от волнения. В памяти остались светлый костюм, довольно длинные волосы, вроде бы темные, и... все.

– Я его не очень хорошо запомнила, – начала я оправдываться.

– А... неважно. Поможет, значит, хороший человек, а нет – козел. И весь сказ. Только б резину не тянул, позвонил сразу, ведь ждать замучаешься.

Мучиться не пришлось, потому что Аверин позвонил буквально на следующий день. Точнее, сначала позвонила Женька.

– Анфиса, бизнесмен наш звонил, твой номер мы ему всучить забыли. Хотел поговорить, то есть прямо жаждал. Голос медовый, вроде как подарка ждет. То ли твоя мордаха ему вчера шибко приглянулась, то ли ты просто гений и сострепала шедевр. И то и другое почти одинаково хорошо. Соображаешь? Начнет куда звать – иди.

– Все равно куда? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Не строй из себя умную, навыков нет. Оденься оживленнее, творческие люди все немного придурки, то есть с чудинкой...

– Может, ты трубку повесишь, а ну как он сейчас мне звонит?

Женька трубку повесила сразу, причем без предупреждения, чем очень порадовала, а буквально через пять минут позвонил Аверин.

Голос в самом деле подозрительно сладкий.

– Добрый день, Анна, это Ярослав беспокоит. – «Смотри-ка, Ярослав, да еще беспокоит». – Не могли бы мы встретиться? Сегодня вечером? Поужинать вместе?

– Конечно, – проямлила я, теряясь в догадках: что это он со мной ужинать решил, а главное – хорошо это для дела или плохо?

– Часов в семь вас устроит? – спросил он.

– Да.

– Куда мне подъехать за вами?

Я объяснила, мы простились до вечера, я уставилась на телефон и некоторое время пребывала в прострации. Из нее меня вывела Женька, потому что опять позвонила.

– Ну? – рыкнула она.

– Слушай, он пригласил меня ужинать.

– А что сказал?

– По делу ничего. Просто пригласил.

– Так-таки ничего не сказал?

– Говорю, ничего. Как думаешь?

– Я думаю? Чего я могу думать, если разговаривала с ним ты? А ты не могла спросить, как, мол, там моя рукопись?

Прочитали вы ее, дорогой Ярослав Сергеевич, или все еще дурака валяете?

– Что ж ты сама не спросила, шустрая и умная, когда он у тебя мой телефон узнавал?

– Я думала, он тебе скажет...

– Наверное, скажет, а нет, так я сама спрошу. Вечером.

– Во сколько договорились?

– В семь. Он подъедет к моему дому.

– Я тоже подъеду, оценю внешний вид.

Мой внешний вид Женьке не понравился, она явилась минут в двадцать седьмого и сразу скривилась:

– Ну что ты вырядилась, как секретарша? Он что, тебя на работу принимает?

– Отвали, – ласково попросила я. – В конце концов, это деловая встреча, а не любовное свидание. Слушай, а как этот Аверин выглядит? Вдруг я его не узнаю?

– С ума сошла, что ли? Он на «Мерседесе» подкатит, в твоём дворе «мерсов» много? Ну, тады узнаешь.

Мы сели на диван, поглядывая друг на друга и на часы.

Тут под окнами раздался автомобильный гудок, я выглянула, прячась за занавеской, и в самом деле увидела «Мерседес», большой, белоснежный и, надо полагать, дорогой.

– Ну давай, чадо, – шмыгнула носом Женька и с чувством меня перекрестила. – Не шали. Держи ухо остро и вытряси из него деньги. Начнет цепляться, помни золотое правило: утром деньги, вечером стулья, и так далее... С богом...

– Спасибо, маманя, – дурным голосом ответила я и зашагала прочь. Женька решила дожидаться вестей в моей квартире.

Самым примечательным у Ярослава Сергеевича был его «Мерседес». Сам он выглядел лет на тридцать с небольшим, темные волосы до плеч, гладко зачесанные назад, небольшие карие глаза, короткий нос, пухлые губы. Маловыразительное и незапоминающееся лицо. Молодой мужчина, каких тысячи. Впрочем, что-то в нем должно было быть, ум, например, или талант. По Женькиным сведениям, свою фирму он открыл в двадцать три года и управлял ею весьма успешно.

Мы поздоровались, и я устроилась рядом с ним. Аверин водил сам. Я не спросила, куда мы направляемся, а он не сказал, и ехали мы в молчании, время от времени обмениваясь улыбками. Что ж, может, он от природы неразговорчивый, а мне и вовсе болтать ни к чему.

– Вам очень идет белый цвет, – вдруг брякнул он, а я кивнула и с довольно глупым видом отозвалась:

– Да? Спасибо. – И только тогда поняла очевидную вещь: Ярослав Сергеевич волновался. На это намекали голос, взгляд, неуверенная улыбка и слегка дрожащие руки. Может, Женька права и он влюбился? С чего это вдруг? Но ведь и не с моей рукописи его так разбирает? Поведение Аверина меня озадачило, и я не сразу сообразила, что машина уже некоторое время стоит, а сам Ярослав Сергеевич смот-

рит на меня с некоторым недоумением. Ему пришлось повторить свой вопрос:

– Вам не нравится этот ресторан?

Я машинально посмотрела в окно и торопливо заверила:

– Что вы, очень нравится.

Машину мы покинули и стали подниматься по широкой лестнице, причем Ярослав Сергеевич трогательно поддерживал меня за руку. «Точно, влюбился, – испугалась я. – Что ж мне теперь делать-то? Надо было Женьку с собой взять. Посидели бы вдвоем...»

Зал был небольшим, на десяток столов. Мы устроились у окна, сделали заказ и попытались начать разговор. Делом это оказалось нелегким, Ярослав Сергеевич не только не успокоился, он начал волноваться еще заметнее, смотрел как-то странно, словно приценивался. В конце концов мне это надоело, и я решила взять инициативу в свои руки.

– Вы прочитали рукопись?

– Да, – торопливо кивнул он и опять замолчал.

– Вам не понравилось? – подсказала я.

– Нет, почему... по-моему, все прекрасно. Интересная вещь, хороший конец, читается легко... Я думаю, она будет иметь успех.

– Правда? – не поверила я и тоже стала смотреть с подозрением.

– Конечно. Я не знаток литературы, но мне кажется... в общем, я уверен, что книга многим понравится.

– И вы мне поможете?

– Что? Ах да. Конечно.

На пьяного он не похож и на душевнобольного тоже, но ведет себя очень странно.

– Если сделать тираж тысячу экземпляров, – начала я, – потребуется около...

Аверин положил ладонь на мою руку и сказал:

– Аня...

– Да? – Я насторожилась, а Ярослав Сергеевич на секунду смешался и вдруг заговорил очень деловито:

– Техническую сторону нашего соглашения мы обсудим позднее. Я хотел побеседовать с вами вот о чем... – Он по-дурацки хихикнул, смешался и продолжил торопливо: – Просто мне, человеку, далекому от литературы, очень интересно: как появляются сюжеты?

О господи, вот ведь олух!.. Я уж начала беспокоиться.

– Трудно сказать, – честно попыталась я объяснить необъяснимое. – Я смотрела какой-то детектив по телевизору, он мне не понравился, я лежала и думала, что в нем следовало бы изменить, а потом в голову пришел этот сюжет. Когда начала писать, кое-что изменила, подправила...

– Вы все это придумали? – вроде бы не поверил Ярослав Сергеевич.

– Ну конечно. Возможно, это не совсем оригинально, то есть подобный сюжет мог уже где-то встречаться, но ведь вряд ли кто-нибудь способен придумать что-то совершенно

новое.

– И никаких реальных событий за всем этим нет? Может быть, газетная статья или чей-то рассказ? – разволновался Ярослав Сергеевич.

– Возможно, я когда-то слышала или читала что-нибудь похожее, – с некоторой растерянностью ответила я, не понимая, куда он клонит, может, подозревает меня в плагиате? – Но то, что написано, написано мною. Это плод моего воображения, а некоторые незначительные совпадения с чем-либо ничего не значат.

– Так они все-таки есть? – вкрадчиво поинтересовался он.

У меня на мгновение отвалилась челюсть, правда, справилась я с собой довольно быстро и, кашлянув, ответила:

– Наверное...

Это его явно не удовлетворило, он некоторое время пристально смотрел на меня так, что я уже начала волноваться, и опять спросил:

– С чем?

– Что?

А вдруг он свихнулся от напряженной работы?

– С чем совпадения? Ведь вы не зря написали эту вещь?

– Я вас не совсем понимаю, – пролепетала я.

Он вроде бы очнулся, посмотрел внимательно, вновь пожал мою ладонь и сказал:

– Извините. Просто я хотел, чтобы вы знали: мы друзья.

– Спасибо. То есть я очень рада.

Просто сумасшедший дом какой-то. К счастью, принесли горячее, и мы немного отвлеклись. Однако Аверин продолжал вести себя довольно странно, то и дело смотрел на меня с намеком на проницательность, неуверенно улыбался и вроде бы подыскивал слова. Теперь он совершенно не походил на влюбленного, и я просто не знала, как себя вести. Одно мне было ясно: идиотский разговор надо прекращать, пока я сама не начала хватать его за руки и зловеще коситься.

Но одно дело осознать это, другое встать и уйти; это было бы невежливо, да и рукопись ему вроде бы понравилась.

– А почему вы обратились именно ко мне? – задал он очередной вопрос.

– Если честно, не только к вам. Гавриленко отказал, в нашем городе именно он занимается благотворительностью, я имею в виду, помогает художникам...

Про Гавриленко Ярославу Сергеевичу слушать было неинтересно, он даже непроизвольно поморщился, а я свернула свою речь на середине фразы, кашлянула и добавила:

– Вы даете рекламу в газете, где работает Евгения Петровна, вот мы и подумали... – Могу поклясться, он опять не поверил. Погладил мою ладонь и спросил очень тихо:

– Вы знали Стеллу?

– Кого? – не поняла я. Он улыбнулся, убрал руку и кивнул, точно с чем-то соглашаясь. Может, стоит спросить, здоров ли он?

– Значит, все это вымысел? – Он широко улыбнулся, трях-

нул головой, точно освобождаясь от назойливых мыслей, и буквально через пять минут стал совершенно нормальным человеком, заговорил вполне осмысленно и даже деловито, я успокоилась и понемногу начала получать удовольствие от ужина.

Однако под конец он опять все испортил. Мы прощались у моего подъезда. Ярослав Сергеевич покинул машину вместе со мной, чем, признаться, несколько насторожил, ухватил мою руку, заглянул в глаза и замолчал. Очень многозначительно. «Может, в гости напрашивается? – запаниковала я, но, вспомнив о Женьке, ждущей вестей в моей квартире, успокоилась. – Пусть напрашивается, я и приглашу, посидим втроем, выпьем чаю».

– Я ваш друг, – заявил Аверин несколько невпопад и то-ропливо зашагал к машине, а я со вздохом облегчения скрылась в подъезде.

Дверь распахнулась сразу, я еще даже не успела позвонить. Женька хмурилась и шарила глазами по моей физиономии.

– Ну? – спросила она грозно.

– Гну, – ответила я, прошла, сбросила туфли и устроилась в кресле.

– Долго ты будешь меня мучить? – заныла подружка.

– Все нормально. У нас. А у Аверина явно не все дома.

– Приставал? – плюхнувшись в кресло, обрадовалась Женька.

– Черт его знает. Может, и приставал, да я не поняла. Только сдается мне, мужик он с приветом.

– Деловые все с приветом, работа тяжелая, баксы много соков из мозгов отсасывают. А чего начудил-то?

– Говорил как-то странно. Выспрашивал, задавал совершенно нелепые вопросы. Стеллу приплел...

– Кого?

– Откуда я знаю? Спросил ни с того ни с сего: «Вы знали Стеллу?»

– А ты?

– Чего я?

– Да ничего, сказала бы, что знала, трудно, что ли?

– Мало мне одного чокнутого... – разозлилась я и пошла ставить чайник.

Женька пошлепала следом.

– Денег даст?

– Даст.

– Порядок. О чем базарили так долго, ведь интересно мне...

– Слушай, а твой Аверин часом не вдовец? – озарило меня.

– С какой стати?

– С такой. Говорю, дурацкие вопросы задавал, откуда сюжет, и все такое. Стеллу приплел.

– Думаешь, тюкнул бизнесмен Стеллу под горячую руку, а теперь шибко переживает?

– Чем-то его сюжет взволновал...

– Меня тоже, плакала два раза.

– Его по-другому взволновал, – нахмурилась я. – Он точно не был женат?

– Нет. Я узнавала... в личных целях. Может, у него был гражданский брак, он благоверную хрясь – и в георгины, а тут тебя черт принес со своим детективом, мужик запаниковал... Теперь точно деньги даст, вот великая сила искусства... Дай облобызаю, ты гений. Талант в землю не зароешь, уделали бизнесмена. – Женька раскрыла объятия, я припала к родному плечу, и мы начали хохотать как сумасшедшие.

Два дня ничего не происходило, то есть Аверин не объявлялся, а мы беспокоить его не рискнули: как бы не разозлился да и не передумал со спонсорством. Но между делом Женька навела о нем справки, и теперь мы доподлинно знали, что жены законной или не совсем у Ярослава Сергеевича никогда не было и жениться он вовсе не собирался, так как его большая и, надо полагать, пламенная любовь уже была замужем. Это то, что удалось узнать наверняка, далее одни слухи: любовь эта – жена то ли какого-то банкира, то ли мафиози, говорил о ней Ярослав намеками, а по большей части молчал, и никто даже не знал ее имени. В обществе его видели с разными женщинами, которая из них она, сказать трудно, а может, Аверин все нарочно выдумал, чтобы бабы не лезли с женитьбой.

Этим сведениям я от души порадовалась: во-первых, если не вдовец, значит, супругу укокошить не мог, а во-вторых, если у него любовь, то от меня ему вряд ли что потребуется. Помочь он обещал, Женька уже связалась с Аполлонским, и он заверил: будут деньги, будет и книжка. Я не знала, стоит радоваться или малость подождать, и тут вечером третьего дня позвонил Аверин.

– Анна? – начал он. – Это Ярослав. Я не побеспокоил? Не очень поздно?

– Что вы, конечно, нет.

В моем голосе появились подхалимские нотки, а улыбалась я так старательно, точно Аверин мог меня видеть.

– Я хотел бы встретиться с вами. По делу, – с легкой заминкой сказал он. – Ничего, если я сейчас приеду?

«Совершенно ни к чему», – подумала я, но вслух принялась что-то бормотать о ремонте и временных неудобствах.

– Тогда, может быть, вы ко мне? – «Ага, разбежалась». Тут он, словно спохватившись, добавил: – Я имею в виду офис, я еще на работе. Разговор займет немного времени, а потом я отвезу вас домой.

– А нельзя поговорить по телефону? – высказала я дельную мысль, но Аверину она таковой не показалась.

– Думаю, это не телефонный разговор.

– Что ж, я приеду, – вынуждена была я согласиться. Со спонсорами, как известно, не поспоришь. – Где-то минут через сорок. Вас устроит?

– Да-да, – торопливо заверил он и добавил: – Еще раз извините.

«Вежливый». – Я усмехнулась, повесила трубку, вздохнула и начала собираться.

На сборы ушло двадцать минут, еще двадцать пять на вызов такси, звонок Женьке и дорогу до офиса Аверина. Я расплатилась, поднялась на высокое крыльцо и нажала кнопку. Характерного щелчка не последовало. Я нажала кнопку еще раз, с тем же успехом, и лишь после этого догадалась посмотреть на окна: ни в одном из них, за исключением двух последних, свет не горел. А эти самые два окна находились как раз в кабинете Ярослава Сергеевича, если я не путаю, конечно.

В некотором недоумении я взялась за ручку двери, и дверь легко открылась, то есть не совсем легко, потому что была железной и тяжелой. Пожав плечами, я вошла в слабо освещенный коридор: горела лишь одна лампа посередине. Выходит, сотрудники давно разошлись по домам, а Ярослав Сергеевич ждет меня в своем кабинете.

Довольно глупо держать дверь открытой: во всех комнатах компьютеры, впрочем, это уж вовсе не мое дело. Я дошла до кабинета Аверина, постучала и толкнула дверь. Кабинет был пуст. Я огляделась, убедилась, что хозяин отсутствует, – разумеется, если он не спрятался под столом или не залез в шкаф.

Довольно громко я позвала:

– Ярослав Сергеевич!

Звук собственного голоса в пустом кабинете произвел странное впечатление, я испуганно попятилась в коридор, но тут же себя одернула: «Человек может выйти в туалет, и для паники нет никаких оснований».

– Ярослав Сергеевич! – на этот раз я крикнула громче, а потом прямо-таки заорала. Безрезультатно. Либо его нет в офисе, либо он не желает откликнуться. А звонил зачем? И почему дверь открыта? Чудеса... Ладно, это не мое дело. Захочет встретиться, позвонит еще раз. Конечно, свинство, что мне пришлось потратить тридцатник на такси, но... Я торопливо зашагала к выходу, почему-то очень хотелось поскорее покинуть офис, и я его почти покинула, но в пяти шагах от двери кое-что привлекло мое внимание.

Это кое-что было рукавом пиджака. Светло-серого. Рукав чуть выглядывал из-за шкафа. Шкафов было несколько, довольно больших, плотно закрытых и, наверное, запертых. Между последним из них и стеной оставалось пространство около полуметра, вот оттуда и торчал рукав пиджака. Я сделала еще шаг и с недоумением заглянула за шкаф. За шкафом навтыжку стоял Ярослав Сергеевич с запрокинутой к потолку головой. «Добро пожаловать в сумасшедший дом», – подумала я, поскольку выходило, что мой прогноз верен и Ярослав Сергеевич окончательно спятил, иначе чего б ему тогда прятаться от меня за шкаф? Я вздохнула и обреченно позвала:

– Ярослав Сергеевич.

Он не ответил и даже не пошевелился. «Это дело медиков», – мудро рассудила я, но нельзя же, в самом деле, вот так бросить его.

– Ярослав Сергеевич, выйдите оттуда, пожалуйста. – Свои слова я подкрепила тем, что ухватила его за локоть, и... Аверин не удержался на ногах и грохнулся на пол, точно вовсе не человек стоял за шкафом, а какой-то манекен.

Я вскрикнула от неожиданности, прижала руку к груди, зажмурилась и только было собралась сказать что-нибудь очень глупое, например: «Что ж вы так неаккуратно», но тут открыла глаза, и все слова разом застряли у меня в горле. В спине Ярослава Сергеевича под левой лопаткой торчал нож с белой костяной ручкой.

– Не может быть, – брякнула я, надеясь, что это какой-то дурацкий розыгрыш, потом широко открыла рот и приготовилась орать. Аверин выглядел так страшно, что надежды разом оставили меня: он мертв, и с этим, как говорится, ничего не поделаешь. «Бежать!» – истошно завопил кто-то в моем мозгу, и я было собралась, да вот беда: от спасительной двери меня отделял труп, просто бежать не получалось, для начала придется перешагнуть через него. Я стиснула зубы, пробормотала: «Извините» – и перепрыгнула, споткнулась о его отброшенную в сторону руку, взвыла и чуть не влетела носом в дверь. Слава богу, у меня хватило сил распахнуть ее и выскочить на улицу.

Я сворачивала за угол, когда навстречу мне вылетела милицейская машина. Появление соответствующих органов произвело на мой пошатнувшийся разум самое странное действие: я бросилась в сторону парка и бежала до тех пор, пока не свалилась на скамейку без дыхания и почти без чувств. «Господи боже», – смогла я подумать где-то минут через пятнадцать и начала тревожно оглядываться. Никакой погони. И с какой стати я милиции-то испугалась? Как раз и надо было звонить им, причем прямо из офиса. «Вот чокнутая, – покачала я головой, поднялась со скамейки и еще раз оглянулась. – Надо вернуться», – мудро присоветовала я самой себе, но возвращаться не хотелось.

Побежав кругами по парку, я взяла себя в руки и зашагала в сторону офиса, бормоча под нос: «Совершенно необязательно заходить внутрь. Можно позвонить из первого же автомата и потом подождать их на крыльце, а еще лучше на тротуаре, нет, на остановке...» Это меня несколько успокоило, и я зашагала веселее, да вот беда: по пути следования не было ни одного телефона-автомата. А ненавистный офис уже возник из-за угла. «Там должна быть милицейская машина», – обрадовалась я. Кто-то еще раньше обнаружил труп Аверина и вызвал милицию.

Милиции не было. И с какой стати я решила, что они ехали сюда? Могли просто проезжать мимо. Я была в трех шагах от крыльца, а вокруг, как назло, ни души. И ни одного телефона. Можно было бы обратиться к жильцам соседних

домов, объяснить... К сожалению, в этой части улицы ничего похожего на жилые дома не наблюдалось. «Я могу просто уйти», – смалодушничала я, но тут из-за угла показались двое молодых людей.

– Извините, – кинулась я к ним и осеклась. Если сказать про труп в офисе, они решат, что я чокнутая... или того хуже, что это я его убила.

– Есть проблемы? – гаркнул парень, наклонясь к моему лицу.

Я посоветовала себе соображать побыстрее, а потом выпалила:

– Я случайно проходила мимо, я здесь работаю, никого в офисе не должно быть, а сигнализация не включена.

– Ну и что? – не понял парень.

– Вы не могли бы войти вместе со мной? Вдруг там грабители? Я только позвоню шефу.

Парни переглянулись, чувствовалось, что просьба им не совсем по душе, я взидала с мольбой, и они в конце концов согласились.

– Валяй, звони, мы постоим у двери. Только, если что, мы ни при чем.

Втроем мы поднялись на крыльцо, я набрала в грудь воздуха, толкнула дверь и замерла, глядя на парней, а не на пол в коридоре. Продолжалось это не меньше минуты.

– Ты войдешь? – с недоумением спросил один из них, а я торопливо перевела взгляд.

Аверина на полу не было. Я вошла и покосилась в сторону шкафов, хотя глупо было бы ожидать, что труп поднялся и вновь спрятался там. Никакого трупа. Я добежала до кабинета, заглянула в открытую дверь, потом решительно вошла и проверила шкафы. Труп отсутствовал. Двери остальных комнат были заперты, даже дверь в туалет.

– Позвонила? – крикнул парень.

– Да, – отозвалась я. – Он сейчас приедет. Спасибо.

– Пожалуйста, – проворчали оба молодых человека и торопливо сошли с крыльца. И я вслед за ними. Остаться в офисе одной даже на секунду желания не было. Дождавшись, когда парни скроются за углом, я бросилась к остановке такси.

Женька открыла мне в распахнутом банном халате.

– Звоню, звоню, – начала она, но я оборвала сурово:

– Заткнись и слушай. Нет, сначала дай воды. Три стакана. – Выпила я, правда, только два, но залпом и смогла произвести впечатление на подружку.

– Тебя изнасиловали, – утвердительно заявила она. – О господи...

– Не перебивай, сиди и слушай, не то я окончательно свихнусь.

– Я молчу. Не волнуйся, на тебе лица нет. Что случилось? Не тани, а?

– Молчи, несчастная, – смогла вставить я слово и добави-

ла: – Аверин убит... может быть.

– Как это? – не поверила Женька.

– Ножом. Он в спине торчал.

– Кто?

– Нож. Говорю, молчи и слушай. И не перебивай, потому что все в моей голове перемешалось: сначала я думала, спятил Аверин, а теперь выходит, что я сама спятила.

– Анфиса, это ведь не ты его? – изготовилась реветь Женька.

– Не говори глупостей. Я его нашла.

Потратив еще с полчаса, я смогла рассказать Женьке, что случилось в офисе.

– Я не поняла, – спросила она жалобно, – был труп или не был?

– Сначала был, потом нет.

– А так бывает?

– Наверное, как же иначе? Он стоял за шкафом, я потянула его за рукав, он грохнулся на пол, я убежала, а когда вернулась, он куда-то делся.

– Ты переволновалась, – подсказала Женька. – Тебе могло показаться.

– Что ты глупости говоришь, труп мне показался? Да я его рукой трогала и нож видела, как тебя сейчас.

– Но потом уже не видела? Может, кровь или еще чего?

– Нет. Все чисто, и такое впечатление... В общем, даже не знаю, что и думать. Крови и в первый раз нигде не было,

даже на пиджаке всего чуть-чуть...

– Анфиса, а может, этот чудик тебя разыграл? Ты пишешь детективы, а он, по твоим наблюдениям, малость не в себе, вот и решил развлечься...

– Хорошее развлечение... Он так кумполом об пол треснул, аж звон по всему офису пошел.

– Психи на голову крепкие, – заметила Женька.

– Он был мертвый, – заявила я, пугаясь нашего разговора. Происходящее все больше и больше напоминало белую горячку.

– Хорошо, – торопливо согласилась Женька. – Но ведь он потом исчез. Если мертвый, то сам уйти не мог, а вот если это дурацкая шутка, то вполне...

– Он был мертв.

– Хорошо, хорошо... я ж не спорю. Значит, кто-то ему помог покинуть офис. – Мы переглянулись. – Как долго ты отсутствовала?

Вопрос застал меня врасплох.

– Понятия не имею, – вынуждена была я признаться. – Во сколько я к тебе приехала?

Путем сложных подсчетов мы определили мое отсутствие в офисе Аверина минут в двадцать пять.

– За такое время многое можно успеть, – с умным видом заявила Женька.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я.

– Труп могли вывести, а следы уничтожить.

– Но офис был открыт. Логичнее было бы его запереть...

– Не скажи. Если бы ты вернулась к запертым дверям, что бы ты стала делать?

– Не знаю. Нашла бы телефон и позвонила в милицию.

– Вот видишь. А так ты никуда звонить не стала. Трупа нет, и сообщать не о чем.

– Они, что же, видели, как я приходила?

– Кто? – не поняла Женька.

– Убийцы.

– Почему обязательно убийцы?

– А кто же еще? – Я закружила по комнате, нервно бормоча себе под нос: – Они засунули его за шкаф, а он оказался на полу. Это могло навести их на кое-какие мысли... Боже мой, – простонала я. – Что же теперь делать? Звонить в милицию?

– А что мы скажем? – разволновалась Женька. – Был труп и ушел куда-то? Ты моя подруга, и я тебя глубоко уважаю, и то мне нелегко поверить во все это, а менты и вовсе решат, что у тебя не все дома.

– Что ж тогда?

– Мне почему-то кажется, что Аверин тебя разыграл... Вот что, поехали к нему в офис и все еще раз как следует осмотрим. Если что, вызовем милицию. В случае отсутствия каких-либо следов преступления помалкиваем и ждем утра. Завтра в рабочее время ясно станет...

Вроде бы Женька рассуждала здраво, но было одно «но»:

Женька не видела Аверина за шкафом, а вот я видела и точно знала, что он мертв и ни о каком розыгрыше не может быть и речи.

– Хорошо, поедem в офис, – согласилась я, мы вызвали такси и через некоторое время вновь стояли на высоком крыльце, попросив таксиста немного подождать.

Нас сразу же озадачили две вещи: свет ни в одном из окон не горел, дверь заперта, а сигнализация включена. Мы позвонили, разумеется, без всякого толка, переглянулись и пошли к машине.

– Ничего не понимаю, – искренне сказала я, а Женька начала ко мне приглядываться. Это здорово злило, и я потребовала: – Отцепись.

– А чего я? – обиделась подружка.

В такси мы решили, что ночевать мне следует у Женьки: во-первых, одна я все равно не усну, во-вторых, Женька прямо заявила, что хотела бы иметь меня перед глазами, а ну как я еще чего-нибудь увижу?

Большую часть ночи мы не спали, высказывали различные предположения и изводили друг друга вопросами, на которые не знали ответов. Утром было решено на работу не ходить до тех пор, пока не разберемся с Авериным. Женька позвонила в редакцию, а я Денису, после чего мы переглянулись, я дрожащей рукой набрала номер офиса Ярослава Сергеевича и услышала голос секретаря.

– Ярослав Сергеевич у себя? – задала я вопрос.

– Нет. Он будет только в пятницу.

– Извините, а где он в настоящее время?

Мне ответили вопросом на вопрос:

– А кто его спрашивает?

– Знакомая. Мы договорились встретиться и...

– Ярослав Сергеевич в Москве по делам фирмы, будет в пятницу к обеду.

– А сегодня среда, – вздохнула Женька. – Если у них там все тихо-спокойно, то, может, Аверин впрямь живой?

– А я кого видела? – зло поинтересовалась я, потому что выходило, что я спятила, а верить в такое не хотелось.

– До пятницы будем помалкивать, – поучала меня Женька. – Вот уж если в пятницу он не объявится, значит, труп действительно был, и мы сообщим о нем куда следует, а так нас просто засмеют, к тому же если Аверин вернется из Москвы и узнает, что мы его зачислили в покойники, то денег нам он точно не даст.

Поскучав немного и не придумав ничего лучшего, мы отправились на работу. Вечером я вновь приехала к Женьке, правда, перед этим заскочив домой, чтобы переодеться и собрать кое-что из самого необходимого. Пока Аверин не объявится, не будет мне покоя, а вдвоем нервничать куда как сподручнее.

Мы сидели перед телевизором и почти не разговаривали, тема у нас была одна, и мы уже давно высказались. Тут начались местные «Вести», и мы наострили уши: вдруг наш труп

объявится? Трупов было целых три, но ни один из них не имел к нам ни малейшего отношения. Зато одна новость все-таки произвела впечатление: оказывается, этой ночью неизвестные проникли в помещение литературного кружка, который располагался в Доме творчества. С какой целью, установить не удалось, так как, по мнению Ипатова, ничего похищено не было.

– Да и что там похищать? – скривилась Женька. – Стол да стулья? Занавесок на окнах и то нет.

Неизвестно почему, это сообщение вызвало в душе томление.

– Завтра же заеду к Ипатову и заберу рукопись, – сказала Женька. – Как бы он ее по доброте душевной не определил в сортир, там люди небогатые, и с бумагой у них проблемы.

– Зачем кому-то понадобилось лезть в этот литературный кружок? – вслух высказалась я.

– Если ты спрашиваешь у меня, то я не знаю. Думаешь, это как-то связано?

– Что?

– Ну... это проникновение и предполагаемая кончина Аверина?

– Каким образом? – удивилась я.

– Понятия не имею, поэтому и спрашиваю. Вдруг у тебя есть идея?

– Нет у меня никаких идей, – призналась я.

– И у меня нет, – вздохнула Женька.

В четверг она позвонила мне на работу около пяти:

– Анфиса, дыши глубже. Я не знаю, что за дела творятся, но что-то явно происходит.

– Где?

– В жизни. Твоей и моей. Я только что была у Ипатова. Рукописи у него нет.

– Он ее потерял?

– Ипатов утверждает, что она лежала в шкафу. Там полно бумаг, и она лежала сверху. А теперь не лежит. Когда его менты спрашивали, он ответил, что ничего не пропало, потому что про твою рукопись забыл, а теперь выходит, что пропала именно она. Соображаешь?

– Нет, – честно ответила я. – Зачем кому-то понадобилась моя рукопись?

– Вот и я не соображаю, но происходящее мне жутко не нравится.

– На рукописи был мой адрес?

– Нет, если ты, конечно, его не написала.

– Я вообще титульную страницу переворачивала не глядя.

– Значит, там должен быть лишь псевдоним Анна Асадова и название романа.

– А это важно? – забеспокоилась я.

– Если Аверин завтра объявится, то скорее всего нет, а если не объявится...

– Да при чем здесь Аверин?! – заорала я.

– Не знаю, – отрезала Женька и повесила трубку.

Хотя секретарша сказала нам, что Ярослав Сергеевич должен быть ближе к обеду, позвонили мы в десять, вновь отпросившись с работы. Голос секретарши звучал бесцветно, я бы даже сказала, безжизненно, а при имени Ярослав Сергеевич она вдруг начала всхлипывать.

– Ярослав Сергеевич погиб, – с третьей попытки сообщила она, а мы с Женькой дружно отвалили челюсть и выпучили глаза.

– Когда? – все-таки смогла спросить Женька.

– Сегодня утром. Он возвращался из Москвы, недалеко от города произошла авария. Он погиб. – В этом месте девушка зарыдала в голос, а Женька повесила трубку.

– И что ты думаешь по этому поводу? – задала вопрос подружка.

Если честно, я ничего не думала, да и что тут можно думать? Аверин был мертв еще во вторник, мне это доподлинно известно, что бы там ни говорила Женька, следовательно, погибнуть сегодня он не имел возможности.

– Чепуха, – промычала я с отчаянием, и Женька со мной согласилась.

– Значит, так, – заявила она. – Двигай на работу, а я в редакцию, попробую узнать что-нибудь об этой аварии.

Все утро я по большей части паялилась в стену перед собой. Денис и тот обратил на это внимание.

– Неважно себя чувствуешь? – спросил он.

– Да... приболела.

– Тогда, может, пойдешь домой?

– Нет, я в порядке, сейчас соберусь с силами и начну работать по-настоящему.

Но собраться с силами так и не удалось, то есть они потребовались мне для других дел. После обеда позвонила Женька, мне пришлось отпроситься у Дениса, и я рванула в кафе «Милена», где она ждала меня.

Кафе располагалось в нескольких шагах от офиса Аверина, правда, из окна, возле которого мы с Женькой сидели, офис не просматривался.

– Ну? – спросила я, мысленно готовясь к самому худшему.

– Авария произошла примерно в 5.20 утра. Аверин ехал на своем «мерсе» на очень приличной скорости, возле объездной за каким-то чертом поднялся на мост, а он, как известно, не достроен, и Аверин свалился с очень приличной высоты на бетонные плиты. «Мерс» взорвался, и от его хозяина остались головешки. Свидетелей аварии нет: утро, движение небольшое... – Женька вздохнула и отвела взгляд: – Аварии случаются каждый день, иногда они скверно заканчиваются.

– Не мудри, – покачала я головой. – Аверина убили во вторник, а сегодня инсценировали аварию.

– Ты сама-то в это веришь? – скривилась Женька.

– Я верю своим глазам. Он лежал на полу с ножом в спине. Я не психопатка и не страдаю галлюцинациями, и это вряд

ли была шутка. А после весьма подозрительной аварии я абсолютно уверена в том, что все так и было.

– Думаешь, аварию инсценировали, чтобы запутать следствие?

– Какое следствие? – усмехнулась я. – Я ведь до сих пор не заявила в милицию.

– Постой, – нахмурилась Женька. – Есть авария, и есть труп. А ты являешься и говоришь, что труп был трупом еще три дня назад. Что менты должны о тебе подумать?

– Не знаю, но Аверин вовсе не разбился, его убили.

– Ну и что? – вдруг зашипела Женька, наклоняясь ко мне. – Может, и убили. Он бизнесмен, врагов у них немало, а мы, если пойдем в ментовку, только наживем неприятности.

– Что ж тогда делать?

– Ничего. Конечно, свинство с его стороны умереть, так и не успев выполнить свое обещание, но другого спонсора можно найти, а вот здоровье – вряд ли.

– Что-то ты не то говоришь, я не здоровье имею в виду, а милицию. Аверин убит, а не погиб, как считают в его конторе, милиции об этом неизвестно, и убийцу искать не будут...

– А нам что с того? – нахмурилась Женька. – Говорю, здоровье дороже. Бизнесменов сейчас стреляют пачками, нас не трогают, и слава богу.

– Послушай, можешь считать меня какой угодно дурой, но я хочу знать, то есть... я не могу не думать об этом деле. Труп с ножом в спине, авария... Черт возьми, да я свихнусь,

изо дня в день размышляя об этом.

– Ясно, – вздохнула Женька. – Мне это знакомо. Бывает, услышишь какую-то фамилию и думаешь, думаешь, пока не вспомнишь, откуда ее знаешь. Вот что, менты никуда не денутся, а мы с тобой проведем журналистское расследование. Если Аверин разбился, значит, труп тебе привиделся, и ты идешь к психиатру, а если нет... будем думать.

Предложение мне не очень понравилось, но своего у меня не было, и пришлось согласиться. Мы расплатились, покинули кафе и зашагали к офису Аверина. Женька нацепила на майку карточку спецкора «Комсомольской правды» и меня снабдила такой же. Подружка в самом деле сотрудничала с «Комсомольской правдой», конечно, не с той, что в Москве. В нашем городе «толстушка» выходит с приложением в четыре листа с новостями губернии. Так что мы с чистой совестью вошли в офис, поздоровались и объяснили, что нам надо.

Прессу смерть Аверина, как видно, не взволновала, впрочем, так же, как милицию. Оттуда позвонили в офис, сообщили о трагедии, на этом все и кончилось. Сотрудники пребывали в растерянности, слонялись из кабинета в кабинет, выглядели пришибленными и явно не знали, что теперь делать. В общем, наше появление пришлось весьма кстати.

Мы отправились к секретарше. Девушка сидела в комнате рядом с кабинетом Аверина и горько плакала. Нам вроде бы обрадовалась. Женька устроилась за столом, сварила

кофе, напоила меня и девушку, которую звали Наташей, и принялась задавать вопросы, причем не как репортер, а как сыщик. Оттого, наверное, первый вопрос прозвучал на редкость оригинально:

– Когда вы видели своего шефа в последний раз?

– Во вторник, – не задумываясь, ответила Наташа. – В среду он уже уехал, а вернуться должен был сегодня.

– А в среду он что, не заезжал в офис?

– Нет. Он уехал прямо из дома.

– А о своей поездке сообщил вам накануне?

– Да... то есть нет. – Девушка на секунду смешалась, а потом со вздохом произнесла: – Честно говоря, я не помню, говорил ли он во вторник что-нибудь о поездке в Москву... но он часто туда ездил.

– И всегда на несколько дней?

– Нет. Обычно в тот же вечер возвращался, но иногда и на несколько дней.

– Но ведь ему, наверное, понадобились бы для поездки какие-то бумаги, он должен был предупредить вас...

– Какие бумаги, – пожала плечами Наташа, – все бумаги в бухгалтерии... а я так... что-нибудь напечатать, отнести, кофе сварить. Если честно, он мог целый день ни разу не позвать меня. Общались по телефону. Я тут как на коммутаторе: звонит кто, я спрашиваю и соединяю или говорю, что Ярослав Сергеевич занят. Вот и все.

– Понятно, – кивнула Женька. – А кому в таком случае

Ярослав Сергеевич сказал, что поедет в Москву?

– Он Пашу предупредил, то есть Павла Васильевича, он здесь, в соседнем кабинете. А Павел Васильевич пришел утром и сказал: «Аверина не будет, в Москву уехал».

– А он всегда предупреждал этого Пашу?

– Ну... – Девушка явно была в недоумении. – Обычно все знали, он же не скрывал свои поездки в Москву, ездил часто...

– А как все об этом узнавали? – не унималась Женька.

Девушка нахмурилась:

– Он просто говорил, и все...

– А во вторник вы ничего подобного не помните?

Она пожала плечами. Женька вздохнула, прикидывая, что еще спросить, и начала вкрадчиво:

– А во вторник в котором часу он ушел с работы?

– В шесть. Нет, в пять минут седьмого. Я еще здесь была, он заглянул, сказал: «До свидания, Наташенька» – и ушел.

– А вы?

– Я тоже ушла. Сразу же. Шефа нет, а мне чего сидеть?

– А вернуться он не собирался?

– Зачем?

– Вот уж не знаю, – не выдержала Женька. – Могли у него возникнуть срочные дела в офисе?

Наташа пожала плечами:

– Понятия не имею. Я же ушла следом за ним.

– А вот если бы, к примеру, он решил вернуться поздно

вечером, когда все сотрудники уже разошлись, он смог бы попасть в офис?

– Конечно. У него же есть ключи.

– А кто включает в офисе сигнализацию?

– Не знаю, наверное, кто уходит последним, из бухгалтерии кто-нибудь. – Вопрос о сигнализации Наташу насторожил, она подозрительно посмотрела на Женьку, потом на меня. Я ответила самым честным своим взглядом и любимой улыбкой: застенчивой и даже немного робкой. Наташе улыбка понравилась, и девушка успокоилась.

Женька посидела, подумала, но больше не смогла придумать никаких вопросов, потому сказала:

– А с Павлом Васильевичем мы можем поговорить?

– Наверное, если он не занят. Идемте, я вас провожу.

Павел Васильевич оказался симпатичным парнем лет двадцати пяти; в джинсах и футболке он выглядел чрезвычайно демократично, хоть и сидел в собственном кабинете.

– Павел Васильевич, вот из газеты хотят с вами поговорить... – скороговоркой пробормотала Наташа.

– Прошу, – кивнул он на стулья и посмотрел с любопытством.

Мы ему понравились, это стало ясно. Павел Васильевич наградил нас широкой улыбкой; вообще особой скорби по хозяину в нем не чувствовалось, впрочем, может, он просто оптимист.

Наташа вышла, а Женька приступила к допросу. Мне

вновь досталась роль молчаливого свидетеля, чему я, признаться, не огорчилась. Умных вопросов задавать не умею, и следовательно из меня никудышный.

– Павел Васильевич, вы уверены, что гибель вашего шефа – результат несчастного случая? – начала подружка.

– У вас есть повод думать, что это убийство? – Он явно заинтересовался.

– Повода нет, – вроде бы огорчилась Женька. – Просто Аверин достаточно известный в городе человек, руководил крупной фирмой, наверняка у него были враги?

– Насколько я знаю, у шефа не возникало никаких серьезных проблем. Хотя враги, конечно, были. Я думаю, разобраться во всем этом должна милиция, а не мы с вами.

– Журналисты народ любопытный, – заявила Женька с широчайшей улыбкой. – Нас ведь хлебом не корми, вынь да положь сенсацию.

– У меня в запасе ни одной, – пожал плечами Павел.

– Что ж, тогда, может быть, просто ответите на несколько вопросов?

– Если это не займет много времени.

– Не займет, – заверила Женька. – Скажите, как вы узнали, что Аверин едет в Москву?

– Мне позвонили, – вновь пожал плечами Павел, а Женька насторожилась:

– Аверин позвонил?

– Да, то есть не он сам. Позвонила его девушка.

– Когда позвонила?

– В среду утром. Сюда в офис. Сказала, что Ярослав уехал в Москву.

– А в этом не было ничего странного?

– В каком смысле?

– Ну... никто не знал, что шеф собирается в Москву.

– Да он часто ездил, раз в неделю обязательно. Иногда на несколько дней.

– И каждый раз звонила девушка?

– Нет. – Павел засмеялся, словно оценив Женькину шутку, хотя она как раз и не шутила. – Обычно мы знали об этом заранее.

– А что, у вашего шефа не было мобильного телефона?

– Был, – кивнул Павел, нахмурился и вдруг посмотрел на нас очень серьезно.

– А чего ж тогда он не позвонил сам?

– Я не знаю. Разные могут быть обстоятельства.

– А эту девушку вы знаете?

– Нет. Но голос слышал. Знакомый голос, она и раньше звонила.

– Она представилась?

– Нет. Просто сказала: «Павел, Ярослав просил передать, что уехал в Москву, вернется в пятницу к обеду».

– А во вторник вечером вы его видели?

– Ярослава? Конечно. Я задержался, а он приехал в офис около восьми. Работал в своем кабинете. Я дела закончил,

заглянул к нему, простился и уехал.

– Когда вы уходили, Ярослав оставался в офисе один?

– Да.

– А охрана?

– Какая охрана? – усмехнулся Павел. – Сигнализация. Денег здесь не держим, только бумаги. Кабинеты запираем...

– Выходит, с вечера вторника его никто не видел?

– На работе? Нет.

– А в среду ваши сотрудники не заметили в офисе ничего странного?

– Нет. – Павел подумал и задал свой вопрос: – Евгения Петровна, а вы действительно из газеты? Допрашиваете, точно ли следователь.

– Из газеты, из газеты, – вздохнула Женька, поднимаясь. – А следователь к вам еще явится.

– А ваша коллега всегда такая молчаливая? – вдруг спросил он и улыбнулся мне.

– Мы работаем вместе, – торопливо ответила я.

– Хорошо иметь такую мордашу, – заявила Женька, когда мы уже были на улице. – Мужики прямо тают. Вот у этого, к примеру, шефа кокнули, а он с тебя глаз не сводил.

– Отстань с глупостями, лучше скажи, что думаешь?

– А что тут думать? Все говорит за то, что ты не психическая и труп во вторник вечером действительно стоял за шкафом. Пока ты по парку бегала, кто-то его аккуратненько извлек, оттащил в тихое местечко, а сегодня инсценировал

аварию.

– Зачем это? – удивилась я. – Я имею в виду где-то прятать труп, потом инсценировать аварию?

– Чтобы ввести в заблуждение следствие, моя козочка. Дело ясное, – Женька вздохнула. – Кому-то очень не хотелось, чтобы менты узнали, что Аверина шлепнули во вторник. Пятница им нравилась больше, поэтому и девушка позвонила, чтоб народ не волновался... Заметь, ни одно убийство не обходится без бабы.

– Узнали мы все это и что дальше?

– Дальше съездим на место преступления.

– Зачем? – искренне удивилась я.

– Затем, что расследование – дело тонкое, и если мы им занялись, то надо все делать по правилам.

– Поехали, – согласилась я, не очень понимая, что нам может дать подобная поездка.

– У тебя деньги есть? – спросила Женька, останавливая такси.

– Есть.

– А у меня нет. Значит, следственные эксперименты проводим за твой счет.

До места гибели Аверина было не больше десяти километров. Здесь начали строительство Кольцевой дороги. По новому мосту должна была идти большая часть транспорта со стороны столицы, но к этому моменту успели возвести лишь несколько пролетов. Сильно обгоревшую машину Аверина

оттащили в сторону, но еще не убрали. Мы подошли, заглянули в кабину и дружно поежились: она полностью выгорела, и ожидать, что от человека хоть что-нибудь осталось, — труд напрасный.

— Ясно, — кивнула Женька, закончив осмотр.

— Что тебе ясно? — неизвестно с какой стати разозлилась я. — Экспертиза все равно покажет, что Аверин был зарезан...

— Не знаю, что покажет экспертиза, если вместо приличного трупа одни головешки. К тому же менты особо напрягаться не станут: налицо дорожно-транспортное происшествие. На хрена им еще одно нераскрытое убийство?

— Экспертизу будут делать в любом случае, — возразила я, — к тому же сама авария вызывает подозрение: с какой стати он полез на Кольцевую?

— А вот и нет, все очень логично. Дорога в этом месте разветвляется, авария произошла рано утром, ответ прост: заснул человек, не туда свернул — и всех делов. Улавливаешь?

— Улавливаю. Ты мне лучше скажи: в милицию идем?

— Во вторник надо было идти, — вздохнула Женька, — а не по парку шляться. Звонить, пока труп лежал у твоих ног и не имел возможности смыться...

— Тебе хорошо говорить, — обиделась я, вспомнила нож с костяной ручкой и поежилась. Такси мы отпустили и теперь брели вдоль дороги, ожидая попутного транспорта.

— Вот черт, — покачала головой Женька, а я спросила:

– Чего ты?

– Забыла узнать у этой Наташи, туалет на ночь тоже запирают?

– По-моему, это глупо.

– По-моему, тоже. Но ты уверяешь, что он был заперт. Или путаешь?

– Ничего я не путаю, заперт.

– Вот. Думаю, там убийца и прятался. Дождался, когда ты свалишь, и трупик свистнул.

– Господи, – ахнула я и даже перекрестилась.

– Во какие дела, Анфиса... Я тебе больше скажу: никак нельзя нам в милицию.хлопотно, да и шлепнуть могут. У нас с этим просто.

– Ты считаешь, что Аверина убил киллер, то есть что это заказное убийство?

– А ты что считаешь? – хмыкнула она.

Я остановилась, посмотрела на Женьку и недоверчиво начала:

– Во-первых, нож. Киллеры обычно стреляют. Во-вторых, возня с трупом: зачем это киллеру? И в-третьих (ты, конечно, можешь смеяться сколько угодно), кража рукописи из литературного кружка в ту же ночь.

– А это каким боком? – вытаращила глаза Женька.

– Таким. Аверина чем-то заинтересовала моя рукопись. Он спрашивал, откуда сюжет и не знала ли я какую-то Стеллу. Что-то его положительно беспокоило.

– Возможно, только рукопись к убийству притянута за уши. Как ты вообще себе такое представляешь?

– Очень просто. Он кому-то о ней рассказал. Возможно, даже шантажировал. И этот человек его убил.

– Гениально. Но здорово отдает литературой. Давай посмотрим, что скажут менты, точнее, их экспертиза. А вдруг все это наши домыслы и парень действительно попал в аварию?

– А труп мне привиделся? – подсказала я.

– Точно. Потому что, если ты права, следующими в списке покойников должны оказаться мы.

Вот уж, как говорится, язык мой – враг мой, могла бы и помолчать, авось и пронесло бы... Но Женька промолчать, конечно, не могла, это совершенно не в ее натуре.

На следующий день, когда я тихо-мирно сидела на работе (по субботам тоже иногда приходилось работать), позвонила Женька и радостно сообщила:

– Нашла спонсора, есть все-таки бог на свете.

– Да, а кто он?

Радости в Женьке поубавилось.

– Черт его знает, толком не представился. Звонила его секретарша, спрашивала, как связаться с Анной Асадовой, я дала твой телефон, рабочий. А она мне: «Сергей Леонидович захочет с ней встретиться», – будто весь свет знает, кто такой Сергей Леонидович.

– А откуда они вообще взялись? – нахмурилась я.

– Сказали, от Гавриленко. Я ж ко всем приставала, у кого бабки водятся, так что неудивительно.

– Неудивительно самим предлагать спонсорские услуги?

– Этих бизнесменов не поймешь. Видно, усмотрели в этом какую-то выгоду. В общем, я тебя предупредила. Они хотят получить рукопись, ну и с тобой побазарить.

Разговор внес в мою душу смятение: невесть откуда появившиеся спонсоры настораживали. Минут через десять после Женькиного звонка мне пришлось отправиться по делам, и в офис я вернулась только в пять. На моем столе лежала записка, в которой Верка сообщала, что мне трижды звонили по поводу рукописи. Координат не оставили. «Странно, – нахмурилась я. – Что это за сверхсекретная фирма, телефон которой нельзя никому доверить?» Мои размышления на эту тему прервал Денис.

– Ты домой? – спросил он, появляясь из своего кабинета. – Я тебя отвезу.

Я отправилась к Женьке на работу, а оттуда вместе с ней на дачу к общей подруге Ленке, домой мы заезжали только на несколько минут, собрать вещи.

Дача располагалась на берегу реки в чудесном месте, погода соответствовала. Ленка делилась воспоминаниями о своей последней любви, и мы с Женькой всецело сосредоточились на чужой любовной истории, так что Аверин нас занимал мало.

В воскресенье, ближе к вечеру, когда мы уже подумывали

о возвращении домой, на даче появились гости, решено было остаться до завтра, а вечер посвятить шашлыкам и водке. В понедельник рано утром мы с приятными воспоминаниями и головной болью покинули дачу и разъехались по офисам.

Я клевала носом и завидовала Женьке. Наутро после шашлыков она всегда выглядит молодцом и на жизнь не жалуется, а вот мне было худо, и я в который раз зареклась не употреблять спиртных напитков накануне рабочего дня.

За двое суток ничего существенного не произошло: про Аверина вроде бы уже забыли, лишь в одной из газет в рубрике «На дорогах» появилась маленькая заметка о его гибели. Похороны были назначены на среду, об этом Женька узнала, позвонив в офис Аверина. Из милиции к ним не приходили, следовательно, никакого криминала в его кончине не усмотрели. Я не знала, радоваться этому или нет. Труп я видела и чокнутой себя не считала, налицо хитрая операция, кем-то с успехом проведенная, добровольно идти в милицию и наживать неприятности не хотелось. Тем более что в милиции мне вряд ли обрадуются, чего доброго еще и потешаться начнут над моим рассказом о трупе. С другой стороны, как человек честный и к тому же любопытный, я не могла не думать о том, что совершено убийство и, следовательно, убийцы должны быть наказаны.

Этим мыслям я предавалась до обеда. Звонков в то утро было предостаточно, и тот, что раздался в 12.45, был одним из многих.

– Здравствуйте. – Женский голос звучал завораживающе. – Могу я поговорить с Анфисой Львовной?

– Я слушаю, – привычно ответила я.

– Мы заинтересованы в вашей рукописи. Хотим ее издать. Ведь я не ошиблась, вы и есть Анна Асадова?

– Это мой псевдоним. Простите, могу я узнать, кто конкретно заинтересовался моей рукописью?

– Литературное агентство «Парнас», точнее, его региональное представительство, находящееся в Нижнем Новгороде. Буквально на днях мы откроем свое представительство и в вашем городе. Располагаться оно будет на улице III Интернационала в доме, где ранее была стоматологическая поликлиника. К сожалению, у нас еще не завершен ремонт... но, несмотря на это, Сергей Леонидович хотел бы с вами встретиться. Если угодно, неофициально.

– Простите, что я спрашиваю, а откуда вы узнали обо мне?

– Вас рекомендовал Гавриленко. Вы, должно быть, знакомы?

– В общем, да... – ответила я и вздохнула. Не могу понять почему, но звонок мне не понравился и дама со сладким голосом тоже.

– Когда мы могли бы встретиться? – вернула меня женщина к действительности.

– Когда вам удобнее? – отозвалась я.

– Не стоит тянуть с этим. У вас есть обеденный перерыв?

– Да, есть.

– Отлично. Встретимся в кафе на Летнем бульваре, скажем, через полчаса. Меня вы узнаете сразу: ярко-рыжие волосы, желтый костюм. И захватите рукопись.

Мы простились, а я задумалась.

– Спонсоры? – подняв голову от бумаг, спросила Верка.

– Ага.

– Смотри-ка, есть справедливость на свете. Не зря Женька старалась...

– Да, не зря, – пробормотала я, таращась на телефон, затем решительно набрала номер справочной службы, а через минуту звонила в офис Гавриленко. К сожалению, его самого сегодня в городе не было, а секретарша ничем помочь мне не могла. Вздыхнув, я позвонила Ипатову; к счастью, он оказался на месте, и я имела возможность с ним поговорить. Моему звонку он не обрадовался и даже не пытался быть любезным. На мой вопрос ответил, что мной действительно интересовались из литературного агентства, но он особенно не вникал. Спрашивали, как меня найти. Ипатов, который знал меня как Анну Асадову и никаких сведений обо мне не имел, предложил позвонить Женьке и снабдил их ее номером телефона. Вот так. Вроде бы все понятно. Гавриленко обо мне тоже ничего неизвестно, неудивительно, что им пришлось разыскивать меня через подружку. Вроде бы все гладко и никаких подозрений не вызывает, но сомнения почему-то были и исчезать не желали. Невесть откуда появившееся литературное агентство мне упорно не нравилось, так

же, как этот женский голос. Тут я некстати подумала, что в офис Аверина тоже звонила женщина, просившая передать, что он уехал в Москву, в то время как он отправился значительно дальше. С другой стороны, если у меня просто мозги повело и я начала страдать манией преследования, а агентство самое что ни на есть настоящее, я лишаюсь, может быть, единственного шанса издать свой роман. Женька меня придушит... В общем, посидев, потосковав и ничего путного не решив, я извлекла из стола рукопись в красной папке и зашагала к стоянке такси, потому что до Летнего бульвара было три троллейбусные остановки и, если я хотела прибыть на встречу вовремя, следовало поторопиться.

Через десять минут я покинула такси. Чтобы попасть в нужное мне кафе, необходимо было перебраться через дорогу. Дело это в середине дня на Летнем бульваре нелегкое по причине оживленного движения, а вот с подземным переходом вышла неувязка: его не так давно затопило, и никто не знал, когда он откроется вновь. Вся надежда была на светофор, но он находился довольно далеко от меня, а вот кафе почти напротив, и я по обыкновению всех торопыг решила рискнуть. Замерла на краю тротуара, повертела головой и, убедившись в том, что риск минимальный, отважно шагнула на проезжую часть.

Далее произошло вот что. Я как раз достигла середины дороги, когда в поле моего зрения появился черный джип. На бешеной скорости он летел прямо на меня, я шарахну-

лась влево, затем вправо, уже сообразив, что из-за усиленного движения и моей глупости шансов спасти свою голову немного. Я замерла, закрыв глаза и мысленно прощаясь с жизнью. И тут за моей спиной, истошно сигналив, появился еще один джип, обошел меня буквально в нескольких сантиметрах и выскочил на встречную полосу, прямо в лоб первому. Огромный «Гранд-Чероки» шарахнулся в сторону под вой сигналов и через несколько секунд исчез из поля зрения, а мой спаситель на красной «Тойоте» плавно притормозил возле тротуара. К нему на приличной скорости устремился гаишник, а я, воспользовавшись всеобщим замешательством, вернулась на тротуар, на то самое место, с которого начала свой путь.

– Вы в своем уме?! – рявкнул мне на ухо мужской голос, а я, вздрогнув и обернувшись, увидела еще одного инспектора ГАИ. Он был так рассержен, что я по-настоящему испугалась.

– Извините, – пролепетала я.

– Извините, – передразнил он. – Вам сколько лет, девушка? До сих пор не знаете, где нужно переходить дорогу? Идите за мной.

– Куда? – еще больше испугалась я.

– На кудыкину гору. Вот впаяю вам штраф, будете тогда знать... Чокнулись совсем, – покачал он головой. – Прямо под колеса лезут.

Так как инспектор заметно подобрел, я вздохнула с облег-

чением и смогла кое-что сообразить: первое – я жива, второе – жива я осталась только благодаря водителю «Тойоты», а он сейчас стоит возле своего джипа и, размахивая руками, объясняется с инспектором. Я заспешила в ту сторону и успела услышать, как парень говорит:

– Ты ж видел, командир, этот мудака летел прямо на девчонку...

– С мудаком разберемся. А вот вам, Анатолий Сергеевич, надо учить правила и не нарушать их. Видите, какое движение, а вы на встречную полосу. – Тут он меня заметил и добавил хмуро: – А вам, гражданочка, к врачу бы не помешало обратиться, к психиатру. Вы хоть понимаете, что чуть не погибли? Скорость у джипа была приличная, и летел он прямо на вас, а теперь подумайте, чего б от вашей красоты осталось? Вот ему спасибо скажите и своему ангелу-хранителю, конечно, тоже. Вы ангелу свечку, а я вот этому нарушителю штраф.

– Вы бы лучше оштрафовали психа на «Чероки», – робко заметила я.

– Оштрафуем. Ему тут деться некуда. Небось пьян в стельку... – Он покачал головой и добавил: – Одни придурки за рулем.

– Я верну вам деньги, – тихо сказала я парню, стараясь его утешить, потому что он в самом деле спас меня и наказания никак не заслуживал. Он вдруг засмеялся и взглянул на меня с интересом.

– Денег, говоришь, много? – спросил он весело.

– Немного, – пожала я плечами, – но штраф заплатить смогу.

– Слава богу, я тоже смогу, – опять засмеялся парень и продолжил препирательство с инспектором, а я отошла в сторонку и на него поглядывала.

Следовало признать, парнем он был симпатичным: чуть выше среднего роста, подтянутый, темные волосы, смуглое лицо, на котором сияли ярко-синие глаза. Может, конечно, он не красавец, но такое лицо в толпе не затеряется, это уж точно.

Вопрос со штрафом был улажен, но парень в машину не сел, направился ко мне, а я к нему.

– Много с вас содрали? – спросила я.

– В самый раз. А ты дядю слушайся и дорогу переходи в положенном месте, полно придурков, которые готовы живого человека переехать, точно пачку из-под сигарет. Садись в машину, – кивнул он на джип, – отвезу домой.

– Спасибо, – ответила я. – У меня здесь встреча, в кафе напротив.

– К любимому спешила?

– Нет, по делу. Извините, что так получилось. И спасибо. Выходит, вы в самом деле меня спасли.

– Ну, если уж спас, давай знакомиться. Меня зовут Анатолий.

– А меня Анфиса.

– Телефончик имеется?

– Имеется, – засмеялась я, протянула визитку и добавила: – Здесь рабочий и домашний.

– С тебя чашка кофе в интимной обстановке, так что жди звонка.

Я сказала: «До свидания», помахала рукой и торопливо направилась к светофору: рисковать вторично желания не было.

На встречу я опоздала минут на десять, но не очень переживала на сей счет: десять минут можно и подождать, к тому же окна кафе выходят на проезжую часть, ожидающие меня люди вполне могли наблюдать мое приключение и опоздание тем более простят.

Войдя в кафе, я огляделась, сначала мельком, потом очень внимательно. Ни одной рыжей дамы, девицы или ребенка. Была старушка, но седая. В основном мужчины солидной наружности, что неудивительно: вокруг банки и офисы. В некотором недоумении я прошла за свободный столик, сделала заказ и стала ждать, глядя на входную дверь. Я успела пообедать, выпить кофе и еще минут пятнадцать бесцельно таращилась все на ту же дверь. Народ потихоньку расходился, зал пустел, а рыжая леди в желтом костюме так и не появилась. Возможно, у нее нашлись дела поважнее, а может быть, она вовсе не собиралась на эту встречу... Расплатившись, я покинула кафе, остановила машину и поехала на улицу III Интернационала, которая, кстати, располагалась по соседству с

Летним бульваром.

Найти бывшую стоматологическую поликлинику труда не составило. От прежнего здания осталась одна коробка, строительные работы велись полным ходом и на широкую ногу, о чем свидетельствовали зеркальные стекла окон, загадочно взирающие на мир. Немного поглазев на фасад, я решительно обошла здание и во дворе нос к носу столкнулась с одним из рабочих.

– Извините, мне бы Сергея Леонидовича, – с легкой придурью сказала я.

Мужчина, лет пятидесяти, нахмурился, а потом спросил:

– А кто это?

– Управляющий, мне сказали, что он на стройке. Сергей Леонидович, агентство «Пегас».

– Не, не у нас это, – обрадовался дядька. – Мы казино делаем. С размахом. На втором этаже ресторан. И никаких управляющих тут нет. Прораб наш и тот уехал.

– Извините, а мне сказали, в бывшем здании поликлиники.

– Ну...

– Может, у вас тут еще какая фирма?

– Нет, дочка. Чего-то ты напутала. Другую поликлинику ищи, здесь один хозяин.

Мужчина ходко зашагал навстречу «КамАЗу», который как раз вывернул из-за угла, а я заспешила к стоянке такси.

Итак, сомнения меня оставили: телефонный звонок –

туфта чистой воды, никто и не собирался со мной встречаться. И зачем, спрашивается, кому-то понадобилось меня обманывать? А затем, уважаемая Анфиса Львовна, что встречу-то вам назначили, а вот в том, что вы на нее сможете прийти, сильно сомневались. Укокошить вас хотели, радость моя, или покалечить. И «Гранд-Чероки» не просто так возник ниоткуда, и водитель его, очень возможно, пьян не был. В этом месте я глухо простонала, до смерти испугав какую-то старушку рядом и ее пекинеса, и кинулась к ближайшему телефону-автомату.

Женьки на работе не оказалось, я позвонила на квартиру и с огромным облегчением услышала родной голос.

– Меня только что пытались убить, – без предисловия заявила я и услышала в ответ:

– Удивила. Меня тоже. Ищу тебя и зубами клацаю. Вызывай такси и двигай ко мне. Только на такси, к частнику не садись, очень может быть, что увезет на кладбище.

– Женька, ты чокнулась, – разозлилась я.

– Еще бы. Давай быстрее, одной страшно и за тебя боязно.

Я вызвала такси из того же автомата, сообщив номер дома, возле которого стояла, и через полчаса была в Женькиной квартире. Открыла мне подружка не сразу, спросила: «Кто», я ответила: «Я», а Женька потребовала, чтобы я назвалась полным именем. Пришлось проорать:

– Глинская Анфиса Львовна!

Женька наконец-то открыла, ворча под нос:

– Следовало убедиться, что это действительно ты. Слово «я» может сказать каждый...

Стало ясно: у Женьки нелады с головой. Я вошла, на нее посмотрела и затосковала: выглядела подружка паршиво – взгляд бегающий, и трясет ее заметно, а главное, лицо блее мела, я такого припомнить не могла, хоть и знала Женьку всю жизнь.

– Проходи, – вздохнула она, – будем чай пить, есть теперь опасно. Ты мне про свое покушение расскажешь, я тебе про свое...

Рассказ Женьки свелся к следующему: сегодня на работе она заскучала и слиняла пораньше, намереваясь как следует выспаться. Придя домой, сразу же почувствовала: что-то не так. Газета лежит на полу, дверца бельевого шкафа прикрыта неплотно, кинулась проверять, все ли на месте, оказалось – все. Решив, что грабители привиделись ей с перепоя, часок вздремнула, а потом занялась неотложными делами. Самым неотложным было похудение. Женька сидела на какой-то сумасшедшей диете и пила раствор морской соли с яблочным уксусом. Бутылка из-под яблочного уксуса с этой адской смесью стояла на кухонном столе рядом с вазой. Но пить залпом целый стакан подружка против обыкновения поостереглась, так как беспокойство, несмотря на алкогольный синдром, не отпускало. Женька внимательно принялась и присмотрелась к жидкости в бутылке. Как оказалось, правильно сделала, потому что вместо привычной смеси кто-

то налил в бутылку уксусной эссенции, от которой Женька скорее всего с ходу протянула бы ноги, ибо живет одна, а ближайшие соседи в это время на работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.